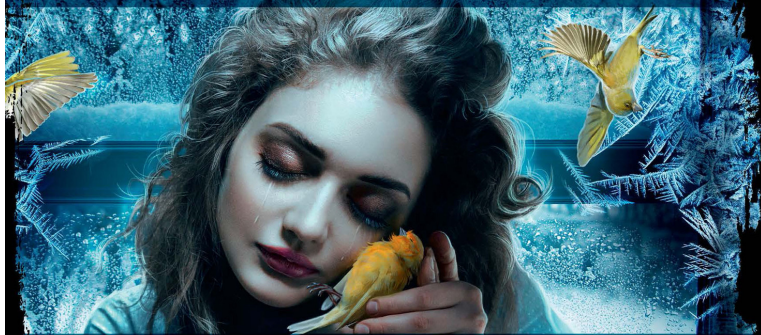

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

В жанре остросюжетного детектива
вряд ли найдется второй такой
талантливый автор.

Ли Чайлд

ГИБЛОЕ МЕСТО

Герритсен умеет создавать запоминающихся героев и загадочные сюжеты,
которые, невзирая на кажущуюся простоту, достаточно сложны и запутанны.

The Washington Post

Тесс Герритсен Гиблое место

Серия «Джейн Риццоли
и Маура Айлз», книга 8

Серия «Звезды мирового детектива»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42226626

Гиблое место : роман / Тесс Герритсен ; пер. с англ. Н. Куликовой.:

Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2019

ISBN 978-5-389-16460-4

Аннотация

На конференции в Вайоминге патологоанатом Маура Айлз встречает бывшего сокурсника и присоединяется к веселой компании, которая едет на лыжную базу. По пути начинается метель, и пятеро путешественников вынуждены заночевать в заброшенной деревне с названием Лучший Мир. Очевидно, жители бежали отсюда второпях, оставив двери незапертыми, окна нараспашку, обед на столе, одежду в шкафах. Увы, Лучший Мир оставляет желать лучшего – странные и страшные находки ожидают здесь непрошенных гостей. Удастся ли вырваться из этой ловушки, где лишь вой волков нарушает белое безмолвие?

Проходит несколько дней, и на поиски пропавшей подруги в Вайоминг прилетает детектив Джейн Риццоли. Ей сообщают, что в ущелье найден сгоревший автомобиль с останками четырех человек и одна из погибших – Маура. Но Джейн до момента похорон не верит в ее смерть...

Содержание

Благодарности	6
1	7
2	16
3	27
4	39
5	51
6	67
7	79
8	90
9	102
10	112
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Тесс Герритсен

Гиблое место

*Посвящается Джеку Р. Уайненсу из Школы
Карни, Сан-Диего:*

Ваши уроки я не забуду никогда

Tess Gerritsen

ICE COLD

Copyright © 2015 by Tess Gerritsen

All rights reserved

Перевод с английского Наталии Куликовой

© Н. Куликова, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019 Издательство АЗБУКА®

Благодарности

Работа писателя требует одиночества, но я не одинока. Мне повезло, потому что мне помогают и всячески меня поддерживают мой муж Джекоб, литературный агент Мег Рули и редактор Линда Марроу. Я также очень благодарна Селине Уокер из издательства «Трансуорлд»; Брайану Маклендону, Либби Магуайр и Ким Хови из «Баллантайн букс», а еще – энергичной и чудесной команде Агентства Джейн Ротрозен.

Ангельский Дол, Айдахо

Она – избранная.

Он месяцами присматривался к девочке, еще с тех пор, как она с родителями перебралась в общину. Ее отец Джордж Шелдон, обычный плотник, трудился в строительной бригаде. Мать, кроткая и неприметная женщина, помогала в общинной пекарне. Оба они были безработными и жили в крайней нужде, когда в поисках духовного спасения и хоть какого-то утешения зашли однажды к нему в церковь в Айдахо-Фолс. Иеремия только посмотрел им в глаза и сразу увидел то, что надеялся увидеть: заблудшие души в поисках спасительной пристани – любой.

Эти люди созрели для жатвы.

Теперь Шелдоны с дочкой Кейти жили в доме «В», в недавно отстроенном дворе Голгофы. Каждое воскресенье они ходили в молеальный дом и сидели на закреплённой за ними скамье в четырнадцатом ряду. В палисаднике у них пестрели мальвы и подсолнухи – те же яркие, нарядные цветы, какими все местные украшали свои садики. Во многом они были почти неотличимой частью общины, как и

остальные шестьдесят четыре семьи, которые вместе работали, вместе молились и каждую вечерю Господню вместе ломляли хлеб.

Но было нечто, причем очень важное, что выделяло Шелдонов из общей массы. У них была невероятно красивая дочка. Девочка, которая невольно притягивала его взгляд.

Вот и сейчас, глядя в окно, он заметил ее в школьном дворе. Был теплый сентябрьский день, на большой перемене ученики гурьбой высыпали на улицу – мальчики в белых рубашках и черных брюках, девочки в длинных платьях пастельных тонов. Все они были здоровыми, загорелыми, как и положено детям. Но даже среди грациозных девочек, напоминающих стайку маленьких лебедей, Кейти Шелдон была самым очаровательным созданием, со своей копной непослушных кудрей, со звонким, заливистым смехом. Как быстро меняются девочки, подумал он. За какой-то год ребенок превратился в стройную девицу. Сияющие глаза, роскошные волосы, румянец на щеках – все это говорило о том, что в подростке пробуждается женщина.

Она стояла с двумя подружками в тени старого дуба. Все три девочки склонили головки – ни дать ни взять три грации, нашептывающие друг дружке секреты. Вокруг них кипела обычная школьная жизнь – ребятишки шумели, играли в классики, гоняли в футбол.

Но в какой-то момент он заметил, что к девичьему трио с другого конца двора направляется парнишка, и помрачнел.

Мальчишке на вид лет пятнадцать, светлые волосы небрежно взлохмачены, коротковатые штанины нелепо болтаются на длинных ногах. Где-то на полпути мальчик замедлил шаг и замер в нерешительности. Затем вскинул голову и уверенно направился к девочкам. К Кейти.

Иеремия приник к окну.

Когда мальчик подошел совсем близко, Кейти взглянула на него и улыбнулась. Милой, невинной улыбкой – но относилась она к однокласснику, у которого почти наверняка на уме было только одно. Да-да, Иеремия прекрасно понимал, что в голове у этого мальчишки. *Грех. Скверна.* Теперь Кейти и этот парень беседуют – две подружки тактично удалились, оставив их наедине. Из-за шума на школьном дворе он не слышал, о чем говорят дети, но видел, что Кейти слова парнишки приятны, – вот она задумчиво склонила голову, а затем кокетливым жестом откинула волосы с плеч. Он видел, как парень склонился над ней, словно смакуя, вбирая в себя ее аромат. Кажется, это отпрыск Маккиннона. Адам, Алан, или как его там. Последнее время в общине появилось так много семей и так много детей, что всех не упомнишь. И сейчас он не сводил глаз с этих двоих, так крепко вцепившись в оконную раму, что его ногти впились в слой краски.

Он резко развернулся и вышел из кабинета, с шумом спустился по лестнице. С каждым шагом он все сильнее стискивал зубы – досада, словно едкая кислота, прожигала грудь. Он стремительно вышел из здания, хлопнув дверью, но у са-

мых ворот школы помедлил, пытаясь взять себя в руки.

Так не пойдет. Гневаться ему не пристало.

Зазвенел колокольчик – перемена кончилась. Иеремия сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться. В воздухе пахло свежескошенной травой, из общинной кухни, что была неподалеку, доносился аромат хлеба. На другой стороне поселка, где возводили молельный дом, слышался визг пилы и дробное эхо десятка молотков. Благие звуки добросовестного труда, совместной работы братьев и сестер во славу Всевышнего. «А я их пастырь, – с гордостью подумал он, – я указываю им путь. И вот как далеко мы уже продвинулись!» Стоит взглянуть хотя бы на этот растущий поселок с десятком новых домов – сразу ясно, что его подопечные ни в чем не знают нужды.

Наконец он открыл калитку и ступил на школьный двор. Торопливо прошел мимо младшего класса, где ребяташки хором разучивали алфавит, и заглянул в комнату старшеклассников.

Учительница, завидев его, поспешно вскочила из-за стола.

– Пророк Гуд, какая честь для нас! – залепетала она. – Вот не ожидала, что вы сегодня удостоите нас своим вниманием...

Он улыбнулся, и женщина залилась румянцем: его внимание ей польстило.

– Сестра Дженет, не надо лишних хлопот. Я просто зашел поздороваться с классом. И убедиться, что все с энтузиазмом

приступили к занятиям в новом учебном году.

Учительница с улыбкой обернулась к школьникам:

– Мы же с вами понимаем, какая это честь, – нас удостоил вниманием сам пророк Гуд. Поприветствуем же его!

– Здравствуйте, пророк Гуд! – дружно прогудел класс.

– Надеюсь, у всех этот учебный год начался успешно? – спросил он.

– Да, пророк Гуд, – снова откликнулись дети так дружно, словно перед этим долго репетировали.

Кейти Шелдон, отметил Иеремия, сидит за третьей партой. А белобрысый мальчишка, который заигрывал с ней во дворе, устроился прямо у нее за спиной. Пророк начал медленно обходить классную комнату, делая вид, что рассматривает детские рисунки и сочинения, развешенные по стенам, и время от времени одобрительно кивал. Как будто ему есть до них дело. В действительности он сейчас ни о чем не мог думать, кроме Кейти, которая скромно сидела за своей партой, потупив взор, как и положено благовоспитанной девице.

– Я бы не хотел мешать занятиям, – сказал он. – Пожалуйста, продолжайте урок, как если бы меня здесь не было.

– Ну... хорошо. – Учительница откашлялась. – Я попрошу вас, ребята, открыть задачник по математике на второй и третьей странице. Выполните упражнения с десятого по шестнадцатое. А потом мы проверим ответы.

Зашелестели страницы, карандаши быстро зачиркали по

бумаге, а Иеремия тем временем прохаживался по классу. Дети не осмеливались взглянуть на него, все склонились над тетрадями. Был урок алгебры, – честно говоря, этот предмет никогда ему не давался, да он особо и не старался. Возле парты, за которой сидел белобрысый парень, столь недвусмысленно проявлявший интерес к Кейти, пророк помедлил и, заглядывая через плечо ученику, ухитрился разобрать имя на тетради: Адам Маккиннон. Смутьян, с которым когда-нибудь придется разобратся.

Дойдя до парты, за которой сидела Кейти, он остановился и бросил взгляд поверх склоненной головы девочки. Она быстро, нервным почерком накорябала ответ и тут же стерла его. Ее длинные волосы были заплетены в косы, так что сзади над воротником виднелся участок нежной шеи – кожа на нем вспыхнула, став темно-красной, словно пророк опалил ее взглядом.

Склонившись над ученицей, он вдохнул ее аромат и почувствовал, как по чреслам разливается жар. Нет ничего приятнее аромата молоденькой девушки, а эта девочка была для него слаще всех. Под тканью лифа уже угадывались едва набухшие груди.

– Не волнуйся так, милая, – тихо произнес он. – Мне тоже алгебра давалась с трудом.

Кейти подняла глаза, и улыбка, которой она его одарила, была такой обворожительной, что он на миг потерял дар речи. «Да, – подумал Иеремия. – Это она, я не ошибся».

Скамьи утопали в цветах и атласных лентах, живые гирлянды ниспадали с потолочных балок недавно построенного молельного дома. Цветов было так много, что казалось, это не зал, а благоуханный райский сад, сияющий всеми красками радуги. Из окон-розеток лился утренний свет, две сотни ликующих голосов сливались в восторженном гимне: «Господь, мы с Тобой навеки. Жатва Твоя обильна, тучны Твои стада».

Пение постепенно затихло, торжественно и победно вступил орган. Все начали оборачиваться к входу, где теперь стояла Кейти Шелдон, – она вошла и застыла в дверях, смущенно потупив взор и зная, что все взгляды теперь прикованы к ней. На ней было белое, отделанное кружевом платье, которое сшила ей мать, из-под пышной юбки выглядывали новенькие атласные туфельки. Ее пышные волосы украшал девичий венец из белых роз. Орган все звучал, и собравшиеся нетерпеливо ждали, но Кейти не двигалась. Ей не хотелось идти вперед.

Но делу помог отец. Он взял девочку за руку, с силой сжал, и она поняла это как приказ: «Попробуй только опозорить меня!»

И Кейти, едва переступая одеревеневшими ногами в красивых атласных туфельках, двинулась вперед, к алтарю, что высился в конце прохода. К человеку, которого сам Господь назначил ей в мужа.

Она не смотрела по сторонам, но краем глаза все же замечала знакомые лица: вокруг были ее учителя, подруги, соседи. Вот сестра Диана, работавшая в пекарне вместе с ее мамой, а это брат Реймонд, пастух, – ей нравились коровы, и он разрешал гладить их бархатистые бока. А вон, в самом первом ряду, стоит ее мама – раньше она никогда не подходила так близко к кафедре. В первом ряду были почетные места – для самых привилегированных членов общины. Мать, похоже, была довольна собой, она стояла с гордо поднятой головой, тоже в венце из роз – ни дать ни взять королева.

– Мама, – прошептала Кейти, – мама...

Но грянул новый торжественный гимн, и слова ее потонули в многоголосом хоре.

У алтаря отец наконец отпустил ее руку.

– Будь умницей, – сказал он и отступил назад, туда, где стояла мать.

Девочка рванулась было за ним, но ей не дали уйти.

Пророк Иеремия Гуд загородил ей путь к отступлению. Он взял ее за руку.

Пальцы, стиснувшие онемевшую ладошку Кейти, казались ужасно горячими. А какой огромной выглядела его ручища – словно кулак великана, сомкнувшийся на ее пальцах.

Собравшиеся запели свадебный гимн. «Союз счастливый в Небесах, Господь, благослови...»

Пророк Гуд притянул ее к себе, и девочка вскрикнула от боли, когда его пальцы, словно когти, вцепились в ее ладонь.

«Теперь ты моя, ты связана со мной по Божьей воле, — говорил этот жест. — Ты будешь послушна мне».

Кейти обернулась и бросила последний взгляд на отца и мать. Она молча умоляла забрать ее отсюда, увести домой, потому что там ее место. Оба родителя радостно и вдохновенно пели гимн. В отчаянии оглядывая зал, девочка пыталась отыскать кого-нибудь, кто вырвал бы ее из этого кошмара, но люди лишь одобрительно кивали и улыбались — вокруг было целое море улыбок. Солнце сверкало на лепестках цветов, радостный хор в две сотни голосов заполнял пространство зала.

И никто в этом зале не замечал — и не желал замечать — молчаливых призывов о помощи, которые тщетно бросала в толпу тринадцатилетняя девочка.

Через шестнадцать лет

Роман близился к концу, но ни один из них не желал признавать очевидного. Вместо этого они говорили о том, что дороги залило и с утра всюду пробки и что, по всей вероятности, ее рейс из аэропорта Логан отложат. Не говорили лишь о том, что действительно волновало обоих, хотя Маура слышала тревожные нотки в голосе Дэниела Брофи, да и ее собственный голос, чересчур тихий и сдержанный, выдавал волнение. Оба старательно делали вид, что у них все по-прежнему – просто устали от бесконечных мучительных споров, которые обычно затягивались далеко за полночь и за которыми с неизбежностью следовали любовные объятия. После таких бесед она всегда чувствовала, что нуждается в любви, и требовала ее.

«Если бы ты мог оставаться со мной каждую ночь! Какое это счастье – каждое утро просыпаться вместе!» – «Но здесь и сейчас я с тобой, я твой, Маура». – «Не совсем. И так будет, пока ты не сделаешь выбор».

Она глянула за окно: машины на шоссе пробивали стену ливня, разбрызгивая лужи. «Дэниел никогда не решится, –

думала она. – И даже если он выберет меня, если откажется от духовного сана, если оставит свою любимую церковь, чувство вины будет омрачать наш союз, преследуя нас, словно укоризненный взгляд бывшей любовницы». Дворники сме-тали потоки воды с ветрового стекла, полумрак за окном был под стать ее настроению.

– Кажется, ты успеваешь к рейсу впритык, – сказал он. – Ты прошла онлайн-регистрацию?

– Еще вчера. У меня на руках посадочный талон.

– Отлично. Это сэкономит несколько минут.

– Мне еще надо сдать чемодан в багаж. Зимняя одежда в сумку не влезла.

– Не могли выбрать для медицинской конференции место потеплее! Что делать в Вайоминге в ноябре!

– Говорят, Джексон-Хоул – красивое место.

– Бермуды не хуже.

Маура украдкой бросила взгляд на Дэниела. Полумрак са-лона скрадывал морщинки на его усталом лице, а вот густе-ющая седина его волос была заметна. «Прошел всего год, – подумала она, – а мы так постарели! Любовь состарила нас обоих».

– Когда я вернусь, давай съездим вдвоем туда, где теп-ло, – сказала Маура. – Просто на выходные. – Она беспеч-но усмехнулась. – Черт, давай забудем обо всем и закатимся куда-нибудь на целый месяц!

Ответом было молчание.

– Или я слишком многого требую? – осторожно спросила она.

Дэниел устало вздохнул:

– Мир все равно напомнит о себе. И рано или поздно нам придется туда вернуться.

– Но нас ведь никто не заставляет.

Взгляд, которым он посмотрел на нее, был полон грусти.

– Ты ведь сама в это не веришь, Маура. – Теперь он переключил внимание на дорогу. – Как и я.

«Он прав, мы оба верим в эту чертову ответственность, – подумала она. – Я каждый божий день езжу на работу, в срок плачу налоги и вообще выполняю все то, что велит мне общество. Я могу сколько угодно распинаться о том, как это здорово – сбежать вместе с ним, выкинуть еще что-нибудь сумасбродное, но я-то знаю, что у меня не хватит смелости. И Дэниелу тоже».

Он притормозил перед залом вылета. С минуту оба сидели молча, не глядя друг на друга. Маура отвернулась к окну и принялась рассматривать других пассажиров, выстроившихся в очередь на регистрацию при въезде; все они укутались в дождевики – ни дать ни взять похоронная процессия хмурым ноябрьским утром. Очень не хотелось выходить из теплого салона машины и присоединяться к этой унылой толпе. «А что, если я не полечу, а попрошу его отвезти меня домой? – мелькнула мысль. – Может, поговорив обо всем начистоту еще пару часов, мы найдем выход из тупика?»

В стекло постучали – на них смотрел полицейский из охраны аэропорта.

– Здесь только высаживают, – рявкнул он. – Проезжайте.
Дэниел опустил боковое стекло.

– Я подвез ее к рейсу.

– Ну так поторапливайтесь, не до вечера же тут сидеть.

– Я выгружу твой багаж, – предложил Дэниел и вышел из машины.

Они стояли на тротуаре молча, поеживаясь от холода, среди какофонии звуков – рычания автобусов, воя клаксонов. «Если бы он был моим мужем, мы бы сейчас поцеловались на прощание», – подумала Маура. Но они давно приучились избегать любых проявлений чувств на публике, и, хотя на Дэниеле сейчас нет белого клерикального воротничка, даже простое дружеское объятие было бы слишком рискованным.

– Я ведь не обязана ехать на эту конференцию, – сказала она. – Мы могли бы побыть вместе целую неделю!

Он вздохнул:

– Ты же знаешь, Маура, я не смогу отлучиться на целую неделю.

– А когда сможешь?

– Мне нужно время, чтобы подготовиться. Но мы обязательно выберемся куда-нибудь, я обещаю.

– И непременно подальше от дома, да? Туда, где нас никто не знает? На этот раз я хотела бы пожить с тобой неделю, никуда не уезжая.

Дэниел покосился на полицейского, который, похоже, снова направился в их сторону.

– Мы поговорим об этом, когда ты вернешься.

– Разумеется, поговорим. – Маура рассмеялась. – Это мы прекрасно умеем. Мы только и делаем, что говорим. – Она подхватила свой чемодан.

Дэниел протянул к ней руку:

– Маура, прошу тебя. Давай не будем вот так расставаться. Ты ведь знаешь, я люблю тебя. Мне просто нужно время, чтобы разобраться.

Его лицо помрачнело. Долгие месяцы обмана и бездействия, сомнений и угрызений совести наложили отпечаток, отравляя мгновения счастья с любимой. В другой раз она непременно утешила бы его улыбкой, дружеским пожатием руки, но сейчас ее захлестнула обида. В ней вдруг заговорило мстительное чувство.

– Думаю, наше время уже истекло, – сказала она и быстро зашагала к терминалу.

Когда стеклянные двери сомкнулись за ней, Маура уже жалела о сказанном. Она остановилась, оглянулась, но Дэниел уже садился в машину.

Ноги мужчины были раздвинуты, так что виднелись поврежденные семенники, обожженная кожа ягодиц и промежности. Снимок, сделанный в морге, появился на экране неожиданно, без каких-либо предваряющих слов лектора,

однако никто из присутствовавших в темном конференц-зале отеля не выказал ни малейшего удивления. Здесь сидели люди, привычные к виду истерзанных, искалеченных тел. Тем, кто касался обугленной плоти и вдыхал ее удушающий запах, стерильное слайд-шоу не кажется таким уж страшным. Более того, седовласый мужчина, сидевший рядом с Маурой, то и дело клевал носом – в темноте она видела, как он время от времени вскидывает голову, пытаясь взбодриться; жуткие фотографии, которые демонстрировались на светящемся экране, как будто вовсе не трогали его.

– То, что вы видите сейчас, – типичные травмы от взрыва автомобильной бомбы. Жертва – сорокапятiletний русский бизнесмен, однажды утром он сел в свой «мерседес» – роскошный был автомобиль, надо признать. Повернув ключ зажигания, он привел в действие взрывное устройство, заложенное под сиденье. Как видно на этих рентгеновских снимках... – докладчик щелкнул компьютерной мышью, и на экране появился следующий слайд презентации: рентгенограмма таза, раздробленного в области лонного сочленения, осколки кости и металла врезались в мягкие ткани, – сила взрыва была такова, что металлические осколки врезались в промежность, прорвав мошонку и срезав седалищные бугры. С сожалением должен признать, что нам все чаще и чаще приходится сталкиваться с повреждениями, подобными этому, наступившими в результате взрыва, особенно сейчас, в эпоху постоянной террористической угрозы. Это

взрывное устройство было относительно маломощным, с его помощью собирались убить только водителя. Если же говорить о терроризме, тут мы имеем дело со взрывами большей мощности и куда большим числом жертв.

Он снова щелкнул мышкой, и на экране появилось изображение иссеченных органов, поблескивающих на зеленой хирургической салфетке, словно товары в витрине мясной лавки.

– Порой можно не обнаружить внешних повреждений, даже если внутренние повреждения фатальны. Это результат взрыва, предпринятого террористкой-смертницей в иерусалимском кафе. У четырнадцатилетней девушки множественные поражения легких, а также перфорация органов брюшной полости. При этом лицо не задето. Ангельски чистое.

Следующая фотография вызвала первую более или менее заметную реакцию у публики: кто-то ахнул, кто-то вздохнул. Казалось, девушка отдыхает – ни тени тревоги на миловидном лице, карие глаза полуприкрыты густыми ресницами. Но патологоанатомов потрясла не запекшаяся кровь, а красота погибшей. О чем могла думать четырнадцатилетняя девочка в момент смерти? О школьных заданиях? Или о красивом платье? А может, о мальчике, которого заметила на улице. Она, вероятно, и представить себе не могла, что ее легкие, печень и селезенка вскоре окажутся на секционном столе и что в один прекрасный день двести патологоанатомов, собравшихся в темном зале, будут смотреть на ее фо-

тографию.

Когда включили свет, зрители все еще находились под впечатлением от увиденного. Собравшиеся тихо покидали зал, а Маура осталась на месте, просматривая записи, которые успела сделать в блокноте: о самодельных бомбах из гвоздей и бомбах-посылках, об автомобильных бомбах и заглубленных минах. Если речь идет о причинении вреда себе подобным, человек бывает крайне изобретательным. «Мы так ловко убиваем друг друга, – думала она. – А против любви бессильны».

– Простите... Вы, случайно, не Маура Айлз?

Со своего места поднялся мужчина, сидевший впереди, за два ряда от нее. Примерно ее возраста, высокий и хорошо сложенный, загорелый и светловолосый, с выгоревшими на солнце прядями. «Судя по всему, калифорниец», – подумала она. Лицо мужчины показалось ей смутно знакомым; казалось, они уже виделись раньше, вот только Маура не могла припомнить где. И это было странно. Ведь такое лицо ни одна женщина не забудет.

– Я так и знал. Это ведь ты, правда же? – Он засмеялся. – Честно, я сразу тебя заметил, как только ты вошла в зал.

Маура покачала головой:

– Простите. Мне немного неловко, но я вас не припоминаю.

– Ну да, потому что все это было очень давно. И я уже не ношу хвостика. Я Дуг Комли. Помнишь Стэнфорд, медицин-

ская школа. Сколько же лет прошло, а? Двадцать? Неудивительно, что ты меня забыла. Черт, да я бы сам себя забыл за это время.

И вдруг память расставила все по местам – парнишка с длинными светлыми волосами, лабораторные очки на облупленном загорелом носу. Он был очень худеньким тогда, этакий доходяга в синих джинсах.

– Мы вместе делали лабораторную? – спросила она.

– Количественный анализ, третий курс.

– И ты помнишь все это даже двадцать лет спустя? Я потрясена.

– Про количественный анализ ни фига не помню. Зато тебя помню отлично. Ты сидела за лабораторным столом прямо напротив меня, и у тебя были лучшие отметки в группе. Ты ведь в результате попала на медицинский Калифорнийского университета в Сан-Франциско?

– Да, но сейчас живу в Бостоне. А ты?

– А я окончил Калифорнийский в Сан-Диего. И просто не смог уехать из Калифорнии. Пристрастился к солнцу и волнам.

– Завидую. Еще зима не началась, а я уже устала от холода.

– А мне, кажется, по душе этот снег. Здорово!

– Это лишь потому, что тебе не нужно ходить по сугробам четыре месяца в году.

К этому времени конференц-зал опустел, служащие гостиницы начали складывать стулья и выносить звуковую ап-

паратуру. Маура сунула свои заметки в тряпичную сумку и поднялась. Когда они с Дугом двинулись к выходу, каждый по своему ряду, она спросила:

– Ты будешь вечером на фуршете?

– Наверное. Но ужин ведь оставлен на наше усмотрение?

– По крайней мере, так значится в расписании.

Они вышли в фойе, где толпились остальные врачи с такими же белыми именными табличками на груди, с одинаковыми тряпичными сумками, какие обычно раздают участникам конференций. Остановились у лифта, подыскивая темы для поддержания разговора.

– Ты приехала с супругом? – спросил Дуг.

– Я не замужем.

– Но мне кажется, я видел объявление о твоей свадьбе в журнале бывших выпускников.

Маура удивленно вскинула брови:

– Ты всегда такой наблюдательный?

– Просто интересно, как поживают мои однокурсники.

– В моем случае – в разводе. Уже четыре года.

– Ох как жаль.

– А мне не жаль. – Она пожала плечами.

Они поднялись в лифте на третий этаж и вышли.

– Увидимся на фуршете! – Маура помахала рукой на прощание и достала магнитный ключ от номера.

– Ты ужинаешь с кем-нибудь сегодня? Лично я свободен. Если захочешь составить мне компанию, я отыщу какой-ни-

будь приличный ресторантик. Только дай знать заранее.

Маура обернулась, хотела было ответить, но Дуг уже зашагал прочь по коридору, небрежно забросив на плечо тряпичную сумку. Она смотрела ему вслед, и в памяти вдруг всплыл другой образ Дугласа Комли. Как он в синих джинсах ковылял по кампусу на костылях.

– Кажется, в тот год ты сломал ногу? – крикнула она ему вслед. – Прямо перед госэкзаменами.

Дуг со смехом обернулся к ней:

– Так вот что ты помнишь обо мне!

– Только сейчас всплыло в памяти. Несчастный случай на лыжне или что-то вроде этого.

– Что-то вроде этого.

– Так, значит, это произошло не на лыжне?

– Вот черт! – Дуг покачал головой. – Мне как-то неловко вспоминать об этом.

– Ну вот! Теперь тебе придется все рассказать.

– Только если согласишься поужинать со мной.

В это время двери лифта открылись, и из него вышли двое – мужчина и женщина. Держась за руки, они шли по коридору – по всему было видно, что они пара. «Так и должны поступать влюбленные», – мелькнула у Мауры мысль. Парочка между тем скрылась за дверью гостиничного номера.

Она посмотрела на Дугласа:

– Я с удовольствием послушаю твою историю.

Они пораньше улизнули с вечеринки патологоанатомов и отправились ужинать в ресторан гостиницы «Четыре времени года» в Титон-Виллидж. После восьми часов лекций о повреждениях от взрывов и холодного оружия, о пулях и осколках Маура была сыта по горло разговорами о смерти и радовалась возможности вернуться в нормальный мир, где даже мимоходом не упоминали о гнилостных процессах, а самой серьезной темой для обсуждения было вино: какое выбрать – красное или белое.

– Так как же ты сломал ногу в Стэнфорде? – спросила она у Дугласа, пока тот вращал в бокале пино нуар.

Он соорудил гримасу:

– Я надеялся, что ты об этом забыла.

– Ты же обещал рассказать. Поэтому я и пошла с тобой в ресторан.

– А я думал, тебя впечатлили мой искрометный юмор и неотразимое обаяние!

Она засмеялась:

– Ну ладно, и это тоже. Но главное – тайна сломанной ноги. У меня такое чувство, что это потрясная история.

– Ну хорошо, – вздохнул Дуг. – Хочешь правду? Я выделялся на крыше Уилбер-Холла и упал.

Маура уставилась на него:

– Боже мой, это же так высоко!

– Как выяснилось, да.

– Под действием алкогольных паров, полагаю?

– Ну разумеется.

– Выходит, это всего-навсего тупая студенческая выходка.

– Ты разочарована?

– Я ожидала чего-то более... ну, из ряда вон выходящего.

– Ладно, – признался он. – Я опустил пару деталей.

– Каких же?

– Я был в костюме ниндзя. Черная маска. Пластмассовый меч. – Он пожал плечами. – Было ужасно неловко, когда меня везли на «скорой» в больницу.

Маура посмотрела на него спокойным взглядом профессионала:

– И тебе до сих пор нравится разгуливать в костюме ниндзя?

– Ну вот видишь! – Он хохотнул. – Это больше всего в тебе и пугает! Любой другой на твоём месте просто посмеялся бы надо мной. А ты задала вполне логичный, трезвый вопрос.

– А есть ли у тебя трезвый ответ?

– Ничего на ум не приходит. – Дуг поднял бокал и провозгласил тост: – За безрассудные студенческие выходки! Чтобы мы всегда были готовы их повторить.

Маура сделала глоток и оставила бокал.

– Что ты имел в виду, сказав, будто во мне что-то «пугает»?

– Так ведь всегда пугало. Вот я, например, балбесничал в колледже. Развлекался как мог, пил-гулял до утра. А ты, Маура... ты всегда была такой целеустремленной. Ты точно знала, кем хочешь быть.

– По-твоему, это может отпугивать?

– Да, порой даже жутко становилось. Потому что у тебя всегда все было под контролем, в отличие от меня например.

– Вот уж не думала, что производила такое впечатление.

– И сейчас производишь.

Она обдумала слова Дуга. Вспомнила полицейских, которые всегда замолкали, стоило ей появиться на месте преступления. Вспомнила рождественскую вечеринку, где она ограничилась лишь одним бокалом шампанского, тогда как все остальные упились до чертиков. Никто не должен видеть доктора Мауру Айлз пьяной, орущей или валяющей дурака. Люди должны видеть ее такой, какой она хочет быть: женщиной, у которой все под контролем. Женщиной, которая отпугивает.

– Я не считаю собранность недостатком, – сказала она, будто оправдываясь. – Только так и можно добиться чего-то в этом мире.

– Так, значит, вот почему я так долго не мог ничего добиться.

– Ты поступил на медицинский факультет.

– В конце концов. Но до этого два года бил баклуши, что страшно бесило моего отца. Работал барменом в Нижней Ка-

лифорнии. Был инструктором по серфингу в Малибу. Курил много дури и пил много плохого вина. Было классно. – Дуглас усмехнулся. – Но доктор Маура Айлз этого не одобрила бы.

– Я просто не стала бы этого делать. – Она глотнула вина. – Во всяком случае, тогда.

– Хочешь сказать, что сейчас стала бы?

– Люди меняются, Дуг.

– Ну да, погляди на меня! Я даже не мечтал, что в один прекрасный день стану занудным патологом и буду сидеть безвылазно в больничном подвале.

– Как же это случилось? Что превратило тебя из пляжного шалопаю в респектабельного врача?

Ход беседы ненадолго прервался – официант принес заказ: утку-гриль для Мауры и бараньи отбивные для Дуга. Они терпеливо ждали, пока он перемелет перец и заново наполнит их бокалы. Только когда официант удалился, Дуглас ответил на вопрос.

– Я женился, – сказал он.

На пальце у него не было обручального кольца, и он в первый раз заговорил о своей личной жизни. Такое откровение застало Мауру врасплох, она удивленно подняла глаза на Дуга, но он смотрел не на нее, а на соседний столик – там сидели родители с двумя маленькими девочками.

– С самого начала было ясно, что мы не пара, – продолжал Дуг. – Я познакомился с ней на вечеринке. Красавица-блон-

динка, голубые глаза, ноги вот отсюда. Ей кто-то сказал, что я поступаю на медицинский, и она сразу представила себя женой богатого врача. Она понятия не имела, что ей придется коротать выходные в одиночестве, пока я на дежурстве в больнице. К тому времени, когда я закончил ординатуру, она нашла другого. – Дуг принялся разрезать отбивную. – Зато у меня есть Грейс.

– Грейс?

– Моя дочь. Ей тринадцать, и она красавица, вся в маму. Но только я хотел бы, чтобы она выбрала более интеллектуальный путь, чем ее мама.

– А где теперь твоя бывшая жена?

– Снова вышла замуж, на сей раз за банкира. Они живут в Лондоне, и хорошо, если раза два в год она напомним о себе. – Дуг отложил нож и вилку. – Вот как я стал мамой. Теперь у меня дочь, ипотечный кредит и работа в госпитале для ветеранов в Сан-Диего. Что еще нужно человеку для счастья?

– Ты счастлив?

Дуг пожал плечами:

– Это не та жизнь, о которой я мечтал в Стэнфорде, когда лазал по крышам и строил из себя ниндзя. Но я не жалею. Жизнь идет, и надо как-то приспособливаться. – Он улыбнулся Мауре. – Тебе-то хорошо, твоя жизнь соответствует мечтам. Ты же всегда хотела стать патологоанатомом – и стала.

– А еще я мечтала выйти замуж. И потерпела неудачу.

Дуг изучающе посмотрел на нее:

– Если честно, трудно поверить, что сейчас в твоей жизни нет мужчины.

Маура ковыряла вилкой кусочки утки на своей тарелке – у нее вдруг пропал аппетит.

– На самом деле я встречаюсь с одним человеком.

Дуг был весь внимание, даже наклонился к ней ближе:

– Выкладывай.

– Мы встречаемся почти год.

– Тогда это серьезно.

– Не уверена. – Под пристальным взглядом Дуга Мауре стало не по себе, и она снова уставилась в тарелку. Она чувствовала, что Дуг изучает ее, пытаясь догадаться, о чем она умолчала. Ни к чему не обязывающая беседа вдруг обернулась серьезным разговором. В ход пошли скальпели, и наружу, словно кишки, вывалились сокровенные тайны.

– Есть надежда на свадебные колокола? – спросил Дуг.

– Нет.

– Почему?

Маура посмотрела на него в упор:

– Потому что он не свободен.

Он откинулся на спинку стула, явно озадаченный.

– Никогда бы не подумал, что такая женщина, как ты, может всерьез увлечься женатым мужчиной.

Маура хотела было возразить, но не стала. С практической

точки зрения Дэниел Брофи все равно что женат – женат на своей церкви. Более ревливой, более требовательной супруги нет на всем белом свете. Мауре было бы проще завладеть им, если бы он был связан всего-навсего с другой женщиной.

– Вот видишь, я не такая благоразумная, как ты думал, – сказала она.

Дуг усмехнулся.

– Наверно, в тебе есть авантюрная жилка, о которой я не знал. Почему я не заметил этого в Стэнфорде?

– Это было очень давно.

– Основные свойства характера с годами не меняются.

– Ты же изменился.

– Нет. Под этим пиджаком от «Брукс Бразерс»¹ по-прежнему бьется сердце раздолбая. Медицина – моя профессия, Маура. Чтобы платить по счетам. Это не мое истинное «я».

– А что, по-твоему, мое истинное «я»?

– Ты та же, какой была в Стэнфорде. Знаток своего дела. Настоящий профессионал. Человек, который не допустит ошибки.

– О, если бы! Хотелось бы мне не делать ошибок.

– Этот мужчина, с которым ты встречаешься, он – ошибка?

– Я еще не готова это признать.

– Не жалеешь?

¹ «Брукс Бразерс» – американская марка мужской одежды, основанная в 1818 году.

Маура ответила не сразу, но не потому, что не находила ответа. Она не чувствовала себя счастливой. Конечно, были волшебные минуты, когда она слышала шум машины Дэниела за окном или когда он стучал ей в дверь. Но были и вечера, когда она часами сидела одна на кухне, подливая вино в бокал и мысленно перебирая обиды.

– Не знаю, – ответила она наконец.

– Я вот никогда ни о чем не жалею.

– Даже о своем браке?

– Даже о несчастном браке. Мне кажется, все, что с нами случается, каждое наше неверное решение, чему-то нас учит. Поэтому не нужно бояться ошибок. Я с головой бросаюсь в каждое новое начинание и порой получаю по шапке. Но в конце концов все само собой налаживается.

– Так ты полагаешься на мироздание?

– Ну да. И прекрасно сплю по ночам. Ни сомнений, ни ложных тревог. Жизнь слишком коротка. Нужно просто расслабиться и получать от нее удовольствие.

Официант подошел, чтобы убрать посуду. Маура не съела и половины своей порции, а Дуг подчистил все, что было на тарелке, – он смаковал баранину с радостным самозабвением, так же как, наверное, смаковал саму жизнь. На десерт он заказал кофе и сырный торт, Маура попросила лишь ромашковый чай. Когда все это принесли, Дуг поставил торт в центр стола.

– Угощайся, – предложил он. – Я знаю, что тебе хочется.

Маура, смеясь, взяла вилку и отломилла изрядный кусок, заметив:

– Ты на меня дурно влияешь.

– Если бы все вели себя примерно, жизнь была бы скучна.

Кроме того, тортик – не самый большой грех.

– Дома мне придется искупить его.

– А когда ты уезжаешь?

– Не раньше воскресенья. Я думаю задержаться на денек, побродить по окрестностям. Джексон-Хоул – очень живописное место.

– Ты путешествуешь в одиночку?

– Если какой-нибудь красавчик не вызовется показать мне округу.

Дуг отломил кусочек торта и принялся задумчиво жевать.

– Насчет красавчика не знаю, – сказал он. – Но я бы предложил вот что. Со мной приехала моя дочь Грейс. Сегодня мои друзья из Сан-Диего повели ее в кино. В субботу мы собирались съездить на лыжную базу и там заночевать. А утром в воскресенье обратно. В машине для тебя найдется место. И я уверен: в домике на лыжной базе – тоже, если ты пожелаешь к нам присоединиться.

Маура покачала головой:

– Я буду лишней.

– Вовсе нет. Они тебя сразу полюбят. И надеюсь, ты их тоже. Арло – мой очень хороший друг. Днем он скучный бухгалтер. Зато вечером... – Дуг зловеще зарычал: – Вечером он

превращается в знаменитость по имени Таинственный господин Ромштекс.

– В кого?

– В одного из популярнейших кулинарных блогеров Интернета, большого знатока вин. Он обедал во всех ресторанах Америки, отмеченных мишленовскими звездами, а сейчас пробивает себе дорогу в Европе. Я зову его просто Челюсти.

Маура засмеялась:

– Похоже, он забавный. А еще один друг?

– Элейн. Девушка, с которой он давно встречается. Она занимается дизайном интерьеров или чем-то в этом роде, наверняка не скажу. Думаю, вы с ней поладите. К тому же ты должна познакомиться с Грейс.

Маура отломилла еще один кусочек сырного торта и принялась не спеша пережевывать его. Она размышляла.

– Эй, да я ведь не прошу тебя выйти за меня, – поддразнил Дуг. – Это всего-навсего небольшая поездка с ночевкой под присмотром моей тринадцатилетней дочери. – Он подался вперед, пристально глядя на собеседницу своими голубыми глазами. – Поехали. Мои сумасбродные идеи почти всегда оборачиваются чем-нибудь интересным.

– Почти всегда?

– Одно нельзя предсказать заранее: всегда есть вероятность, что случится нечто совершенно неожиданное, из ряда вон выходящее. Но ведь в жизни всегда есть место приклю-

чениям. Иногда надо рискнуть и положиться на мироздание.

Маура заглянула в его глаза, и ей показалось, что Дуг Комли видит ее иначе, чем все остальные. За непробиваемой броней, которой она себя окружила, Дуг смог разглядеть обычную женщину. Женщину, которая боится прислушаться к голосу сердца.

Она глянула на десертную тарелку. Торт исчез, а Маура даже не заметила, как доела его.

– Дай мне обдумать это, – попросила она.

– Конечно. – Дуг рассмеялся. – Разумеется, Маура Айлз ничего не сделает, не подумав.

В тот вечер, вернувшись в гостиничный номер, Маура позвонила Дэниелу.

По тону его голоса она поняла, что отец Брофи не один. Он был вежлив, но сдержан, как будто беседовал с прихожанкой. На заднем фоне слышались приглушенные голоса, обсуждавшие цены на топливо, затраты на ремонт крыши и сокращение пожертвований. Дэниел был на собрании, где обсуждался бюджет церкви.

– Как там дела? – спросил он. Любезно и нейтрально.

– Намного холоднее, чем в Бостоне. Тут уже всё в снегу.

– А у нас дожди не прекращаются.

– Я прилечу в воскресенье вечером. Ты по-прежнему сможешь встретить меня в аэропорту?

– Я приеду.

– А потом? Можно было бы поужинать у меня, если ты останешься на ночь.

Пауза.

– Не уверен, что смогу. Мне надо подумать.

Почти теми же словами она ответила Дугу чуть раньше. И Маура вспомнила, что он ей ответил: «Иногда надо рискнуть и положиться на мироздание».

– Давай я позвоню тебе в субботу, – предложил Дэниел. – Тогда я буду точно знать свое расписание.

– Ладно. Но если не сможешь дозвониться, не волнуйся. Я могу оказаться вне зоны доступа.

– Хорошо, тогда и поговорим.

Он не сказал «люблю тебя» на прощание, только тихое «пока» – и разговор окончился. Их интимное общение всегда происходило за плотно закрытыми дверями. Каждую встречу они планировали заранее, а потом разбирали ее по полочкам, анализировали. «Слишком много думаете», – сказал бы Дуг. И эти думы счастья Мауре не прибавляли.

Она сняла телефонную трубку и позвонила администратору.

– Соедините меня, пожалуйста, с номером Дугласа Комли, – попросила она.

Послышалось четыре долгих гудка, а затем он ответил:

– Алло.

– Это я, – сказала Маура. – Приглашение еще в силе?

Приключение начиналось отлично.

В пятницу вечером путешественники собрались, чтобы пропустить по стаканчику. Когда Маура спустилась в гостиничный бар, Дуг и его компания уже поджидали ее за столиком. Сразу было видно, что Арло Зелински давно тестирует мишленовскую кухню: это был пухлый лысоватый весельчак, который не скрывал своего пристрастия к еде.

– Я всегда говорю: чем больше, тем лучше! А теперь у нас есть повод заказать две бутылочки вина, – заявил он. – Присоединяйтесь, Маура, и куча радостей вам обеспечена, особенно под крылышком у Дуга. – Арло склонился над столом и добавил шепотом: – По части морали я за него ручаюсь. Я много лет занимаюсь его налогами, а если кто и знает ваши самые интимные секреты, так это ваш бухгалтер.

– О чем вы там шепчетесь? – спросил Дуг.

Арло сделал невинное лицо:

– Просто рассказываю, что присяжные были настроены против тебя. Ты не заслужил такого сурового приговора.

Маура рассмеялась. Да, этот приятель Дуга ей определенно нравился.

Об Элейн Сэлинджер она бы такого не сказала. Хотя эта женщина улыбалась на протяжении всего разговора, улыбка была какой-то вымученной. Все в Элейн казалось натя-

нутым – от одежды (на ней были облегающие лыжные брюки) до нечеловечески гладкого, без единой морщинки, лица. Они с Маурой были почти одного возраста и роста, однако Элейн обладала фигурой модели с завидной талией, а также недюжинной силой воли, необходимой для поддержания формы. Дуг, Маура и Арло распивали бутылочку на троих, а Элейн потягивала минеральную воду, приправленную долькой лайма, и с достоинством игнорировала орехи, которые Арло поглощал с удивительной резвостью. Маура никак не могла взять в толк, что у них общего: с трудом верилось, что эти двое – пара.

Дочка Дугласа Грейс тоже была странной. Он говорил, что его бывшая жена красавица, и этот дар дочь определенно унаследовала. Тринадцатилетняя Грейс уже обращала на себя внимание – этакая длинноногая блондинка с красиво изогнутыми бровями и ясными голубыми глазами. Однако красота ее казалась холодной, невозмутимой, даже пугающей. Девочка почти не участвовала в разговоре – все это время она сидела с наушниками и слушала айпад. Наконец она делано вздохнула и лениво поднялась из-за стола.

– Пап, можно, я пойду к себе в номер?

– Ну что ты, детка, посиди еще, – попросил Дуг. – Мы вовсе не такие скучные.

– Я устала.

– Тебе же всего тринадцать, – поддразнил Арло. – В таком возрасте ты должна тусоваться с нами до утра.

– Мне кажется, я вам особо не нужна.

Дуг хмуро глянул на ее айпад, будто только что его заметил:

– Выключи эту штуку, хорошо? Попробуй поучаствовать в разговоре.

Девочка, как это свойственно подросткам, окинула отца полным презрения взглядом и нехотя опустила на стул.

– ...я изучил все рестораны в округе – ни в один из них идти не стоит, – сказал Арло. Он закинул в рот очередную горсть орешков и вытер пухлые, испачканные солью руки о салфетку. Затем снял очки и тоже протер. – Думаю, надо сразу ехать на базу и пообедать там. По крайней мере, у них в меню есть бифштекс. Трудно ли приготовить приличный бифштекс?

– Мы только поужинали, Арло, – возмутилась Элейн. – Не представляю, как можно сейчас думать о завтрашнем обеде.

– Ты же знаешь, я предпочитаю действовать по плану. Заранее продумать все до мелочей...

– Особенно если эти мелочи съедобные.

– Ну па-а-п, – заныла Грейс, – я правда устала. Я пойду спать, ладно?

– Хорошо, ступай, – согласился Дуг. – Но чтобы завтра в семь уже встала. К восьми нам надо собраться и выехать.

– И нам тоже пора на боковую, – сказал Арло. Он встал, отряхивая рубашку от крошек. – Пойдем, Элейн.

– Но еще только полдесятого!

– Элейн, – повторил Арло и едва заметно кивнул, указывая на Мауру и Дуга.

– Ага. – Элейн с любопытством посмотрела на Мауру и поднялась, гибкая, как пантера. – Приятно было с вами познакомиться, Маура, – проговорила она. – Увидимся утром.

Дуг дождался, когда все трое уйдут, и, оставшись с Маурой вдвоем, сказал:

– Мне, право, неловко, что Грейс была такой занудой.

– Она очень красивая девочка, Дуг.

– И при этом толковая. Ай-кью сто тридцать! Правда, по сегодняшнему вечеру не скажешь. Но она не всегда такая надутая.

– Может, это потому, что я еду с вами. Возможно, ей это не нравится.

– Даже не думай об этом, Маура. Это ее проблема, пусть сама с ней справляется.

– Если кого-то смущает, что я еду...

– Неужели? Тебя, что ли?

Дуг так пристально посмотрел на нее, что волей-неволей пришлось сказать правду.

– Да, немного, – призналась она.

– Ей тринадцать лет. С тринадцатилетними девчонками всегда непросто. Я не желаю идти у нее на поводу. – Дуг поднял бокал. – За наше приключение!

Они сдвинули бокалы и пригубили вино, с улыбкой глядя друг на друга.

В приятном полумраке бара Дуг казался все тем же студентом из ее воспоминаний, беспечным юношей, который взбирался на крыши и наряжался в костюм ниндзя. И Маура тоже почувствовала себя совсем юной. Беспечной и готовой к любым авантюрам.

— Даю слово, — сказал он. — У нас будет незабываемое приключение.

Ночью начался снегопад, и к тому времени, когда они загрузили свои вещи в багажник внедорожника, машины на стоянке были укутаны белым пушистым покрывалом сантиметров восемь толщиной — гости из Сан-Диего охали и ахали при виде такой красоты. Дуг и Арло уговорили трех дам попозировать перед входом в гостиницу и сфотографировали их, улыбающихся, с румяными от мороза щеками, в лыжных костюмах. Для Мауры снег был не в диковинку, однако теперь она смотрела на него глазами калифорнийцев, дивясь тому, какой он чистый и белый, и как мягко ложится на ресницы, и как тихо кружится, опускаясь с небес на землю. Во время долгих бостонских зим снег означал заметенные дворы, промокшие сапоги и грязную кашу на тротуаре. С ним приходилось мириться до весны. Но здесь снег казался иным — это был праздничный снег, и Маура с улыбкой смотрела в небо, запрокинув голову, и чувствовала такой же восторг, как и ее товарищи. Мир, открывшийся ей вдруг, казался новым, ярким, волшебным.

– Ребят, у нас будет потрясающая поездка! – объявил Дуг, привязывая взятые напрокат беговые лыжи на крышу внедорожника. – Свежевыпавший снежок. Теплая компания. Ужин у потрескивающего камина. – Он в последний раз подтянул ремни на багажнике. – Ладно, друзья. Поехали.

Грейс устроилась на переднем пассажирском сиденье.

– Эй, детка, – обратился к ней Дуг, – может, позволишь Мауре сесть рядом со мной?

– Но это мое место!

– Она наша гостя. Позволь ей сесть вперед.

– Дуг, не надо, пусть остается на своем месте, – возразила Маура. – Я и сзади отлично устроюсь.

– Ты уверена?

– Конечно. – Маура уселась на заднее сиденье внедорожника. – Мне тут очень хорошо.

– Ладно. Но потом можно будет поменяться местами. – Дуг бросил укоризненный взгляд на дочь, но Грейс уже заткнула уши наушниками айпада и теперь смотрела в окно, не обращая на отца ни малейшего внимания.

В сущности, Маура была вовсе не против сидеть в третьем ряду, позади Арло и Элейн, глядя на лысую макушку гурмана и стильную стрижку его подружки-брюнетки. Маура присоединилась к компании в последнюю очередь и не знала ни их историй, ни дружеских шуток, понятных лишь посвященным, поэтому ее вполне устраивала роль стороннего наблюдателя. Они выехали из Титон-Виллидж и направились

на юг, а снегопад тем временем все усиливался. Дворники мерно двигались по стеклу взад-вперед, как метроном, сметая волны снежинок. Маура откинулась на спинку сиденья и смотрела, как меняется пейзаж за окном. После обеда у камина она покатается на лыжах. На беговых, а не на горных, чтобы не волноваться о возможности сломать ногу, расшибить голову или просто красиво сверзиться с высоты. Она будет тихо скользить по спящему лесу, слушать, как поскрипывает под ногами пушистый снег, и вдыхать полной грудью колкий морозный воздух! На патологоанатомической конференции ей показали слишком много изувеченных тел. Как хорошо, что эта поездка не имеет ничего общего со смертью.

– Снег все валит и валит, – заметил Арло.

– У этой малышки хорошие шины, – сказал Дуг. – Парень из проката автомобилей сказал, что они как раз для такой погоды.

– Кстати, о погоде, ты слушал прогноз?

– Да, будет снег. Удивительное дело!

– Только пообещай, что мы успеем добраться до хижины к обеду.

– Лола говорит, мы будем на месте в одиннадцать тридцать две. А Лола никогда не ошибается.

– Лола – это кто? – крикнула Маура с заднего сиденья.

Дуг указал на портативный навигатор, который установил на приборную доску:

– Вот Лола.

– Почему навигаторы всегда называют женскими именами? – спросила Элейн.

Арло засмеялся:

– Потому что женщины все время указывают мужчинам, куда идти. Раз Лола говорит, что мы приедем до полудня, значит у нас будет ранний обед.

Элейн вздохнула:

– Ну когда ты перестанешь думать о еде?

– Речь идет об обеде. В течение жизни мы успеваем поесть не так уж много раз, поэтому...

– ...каждый прием пищи должен того стоить, – закончила вместо него Элейн. – Да, Арло, нам известно твое жизненное кредо.

Арло обернулся к Мауре:

– Моя матушка отлично готовила. Она научила меня не растрчивать аппетит на посредственную еду.

– Наверно, поэтому ты такой худенький, – съязвила Элейн.

– Ну, ты сегодня явно не в духе, – проговорил Арло. – Я-то думал, тебе не терпелось отправиться в эту поездку.

– Я просто не выспалась. Ты полночи храпел. Буду просить отдельный номер.

– Да ладно тебе. Вот погоди, я подарю тебе беруши. – Арло обнял Элейн за плечи и притянул к себе. – Зайка. Лапочка. Как же я буду спать один, без тебя?

Элейн выпуталась из его объятий:

– Ты мне шею чуть не свернул!

– Ребята, смотрите, какой дивный снег! – вмешался Дуг. –

Прямо зимняя сказка!

В часе езды от Джексона они заметили указатель: «Последний шанс заправиться». Дуг остановил внедорожник у «Автозаправки и универсама Грабба», и все вылезли из машины, чтобы сходить в туалет и прогуляться по тесному магазинчику, разглядывая пакетики и баночки с закусками, пыльные журналы и автомобильные щетки-скребки для лобового стекла.

Арло стоял перед витриной, где лежали говяжьи палочки в пластиковой упаковке, и хохотал:

– Ну кто это ест, скажите на милость? Они на девяносто процентов состоят из нитрита натрия, а остальное – красный краситель номер два.

– Зато здесь есть шоколадки «Кэдбери», – заметила Элейн. – Купим парочку?

– Они, вероятно, десятилетней давности. Ой, фу, здесь есть лакричные палочки! Меня как-то рвало от них, когда я был маленький. Словно мы перенеслись назад, в пятидесятые.

Пока Арло и Элейн обсуждали покупку закусок, Маура взяла газету и направилась к кассе.

– Вы в курсе, что она старая? – спросила Грейс.

Маура обернулась, удивляясь, что девочка заговорила с ней. На этот раз в ушах у Грейс не было затычек-наушников,

но айпад был по-прежнему включен и тоненько подвывал.

– Это газета за прошлую неделю. – Грейс указала на дату. – Все в этой лавке просроченное. Хрустящая картошка, например, валяется уже год. Наверняка даже горячее некачественное.

– Спасибо, что подсказала. Но мне хочется что-нибудь почитать, и эта газета вполне сгодится. – Маура достала кошелек, удивляясь, как слово «горячее» попало в словарь американского подростка. Но это была лишь одна из загадок Грейс.

Девочка вышла из магазина, покачивая тощими бедрами в туго обтягивающих джинсах, безучастная к тому, какое впечатление производит на окружающих. Старичок за кассой смотрел на нее разинув рот, как будто это какое-то экзотическое существо, чудом оказавшееся в его магазинчике.

Когда Маура вышла на улицу, Грейс уже сидела в машине, но на этот раз на заднем сиденье.

– Принцесса наконец-то оставила свой трон, – шепнул Дуг Мауре на ухо, открывая ей дверцу внедорожника. – Тебе придется сесть впереди, со мной.

– Я не против заднего сиденья.

– А я против. Я с ней поговорил, все нормально.

Элейн и Арло вышли из магазина, смеясь, и сели на свои места.

– Это как путешествие на машине времени, – заметил Арло. – Видел дозаторы с пастилками «Пец»? Такие были двадцать лет назад. А старикашка за кассой – персонаж из «Су-

меречной зоны».

– Да, странный тип, – согласился Дуг, заводя двигатель.

– А точнее, зловещий. Он сказал: «Надеюсь, вы не в Лучший Мир держите путь...»

– Что сие значит?

– Все вы грешники! – завопил Арло голосом телевизионного проповедника. – И вы на дороге в а-а-ад!

– Может, он хотел сказать, чтобы мы ехали осторожнее? – предположила Элейн. – Учитывая снег и вообще...

– Похоже, метель утихает. – Дуг наклонился вперед, поглядывая на хмурое небо. – На самом деле я, кажется, вижу там голубой просвет.

– Неутомимый оптимист, – сказал Арло, – вот кто такой наш Дуги.

– Позитивное мышление. Всегда помогает.

– Ты только доставь нас к обеду без опозданий.

Дуг сверился с навигатором.

– Лола говорит: расчетное время прибытия одиннадцать сорок девять. Так что голодать не придется.

– Я уже голодаю, хотя на часах только десять тридцать.

– На следующем повороте сверните налево, – женским голосом скомандовал навигатор.

– «Если Лола хочет...» – затянул Арло.

– «...Лола добьется»², – подхватил Дуг и свернул на по-

² «Если Лола хочет, Лола добьется» – популярная песня из бродвейского комедийного мюзикла «Чертовы янки».

вороте налево.

Маура глянула в окно, но никакого голубого просвета не увидела. Все, что она могла разглядеть, – лишь низко нависшие тучи и белые склоны гор вдалеке.

– Опять снег пошел, – сказала Элейн.

– Наверное, мы не там свернули, – предположил Арло.

Пелена кружащегося снега уплотнилась, а в перерывах между движениями дворников стекло тотчас же облепляла толстая сетка снежинок. В последний час извилистая дорога все время шла в гору, но теперь ее было трудно различить под белым ковром, становившимся все пышнее и пышнее. Дуг вел машину, вытянув шею, силясь различить что-нибудь впереди.

– Ты уверен, что мы правильно едем? – спросил Арло.

– Лола говорит, что да.

– Лола – бестелесный голос в коробке.

– Я запрограммировал ее на самый короткий маршрут.

Вот этот.

– Но быстро ли по нему добираться?

– Эй, может, хочешь за руль?

– Что ты, что ты! Я просто спросил.

– Нам не попалось ни одной машины, с тех пор как мы свернули на эту дорогу, – заметила Элейн. – С самой заправки. Почему тут так безлюдно?

– Карта у тебя есть? – поинтересовалась Маура.

– Думаю, она в бардачке, – сказал Дуг. – Ее выдали вместе с машиной. Но навигатор говорит, что мы на верном пути.

– Ага. У черта на куличках, – пробормотал Арло.

Маура достала и развернула карту местности. Ей понадобилась минута, чтобы разобраться в непривычной топографии.

– Что-то я не вижу здесь нашей дороги, – сказала она.

– А ты точно знаешь, где искать?

– Но ее тут нет.

Дуг выхватил карту из рук Мауры и положил ее перед собой на руль, продолжая вести машину.

– Эй, подсказка с задней парты! – выкрикнул Арло. – Не спускай глаз с дороги!

Дуг отодвинул карту в сторону.

– Ерунда какая-то. Она недостаточно подробная.

– Может, Лола ошибается? – предположила Маура.

«Ну вот, – спохватилась она, – теперь и я назвала устройство дурацким именем!»

– Она новее, чем эта карта, – возразил Дуг.

– Наверно, это сезонная дорога. Или частная.

– О частной не было предупреждения, когда мы сворачивали.

– Знаешь, все-таки надо вернуться, – сказал Арло. – Я серьезно.

– До развилки пятьдесят километров. Ты хочешь успеть на обед или нет?

– Пап! – подала голос Грейс с заднего сиденья. – Что происходит?

– Ничего, милая. Мы просто обсуждаем, какой дорогой

лучше ехать.

– А разве ты не знаешь?

У Дуга вырвался страдальческий вздох:

– Конечно знаю. Все хорошо! Просто отлично. Если все сейчас успокоится, будет и вовсе прекрасно.

– Давай все-таки повернем, Дуг, – настаивал Арло. – Дорога становится действительно непроезжей.

– Так, – сказал Дуг. – Думаю, пора проголосовать. Что скажете?

– Я за то, чтобы повернуть обратно, – гнул свою линию Арло.

– Элейн?

– По-моему, водителю виднее, – отозвалась она. – Я согласна с любым твоим решением, Дуг.

– Спасибо, Элейн. – Дуг обернулся к Мауре. – А ты за что голосуешь?

Этот вопрос заключал в себе гораздо больше, чем казалось на первый взгляд. Она прочла это в глазах Дуга, его взгляд умолял: «Поддержи меня. Верь мне». Этот взгляд живо напомнил ей, каким двадцать лет назад был Дуг – безалаберным мальчишкой-студентом в выгоревшей гавайской рубашке. Тот самый Дуглас, который мог свалиться с крыши, разбиться, сломать ногу и при этом не утратить оптимизма. Теперь он просил ее о доверии, и Мауре очень хотелось верить ему.

Но она не могла заглушить собственный инстинкт.

– Я считаю, что нам нужно вернуться, – сказала Маура, и, кажется, ее ответ ранил Дуга больней любого оскорбления.

– Ладно. – Он вздохнул. – Вижу, у нас бунт на корабле. Что ж, когда я найду подходящее место, мы развернемся. И снова проедем пятьдесят километров.

– Я была на твоей стороне, Дуг, – напомнила Элейн. – Не забывай.

– Вот тут, кажется, дорога пошире.

– Постой, – сказала Маура. Она хотела добавить: «Здесь может быть кювет», но Дуг уже крутанул руль, и внедорожник начал разворачиваться по широкой дуге. Внезапно снег под правой шиной провалился, и машина накренилась на одну сторону так резко, что Маура впечаталась в дверцу.

– Боже мой! – воскликнул Арло. – Что ты творишь, черт возьми?

Автомобиль дернулся и застыл, почти полностью завалившись на правый борт.

– Черт. Черт, черт! – воскликнул Дуг.

Он вдавил педаль газа в пол, и двигатель взревел, но колеса забуксовали. Дуг включил заднюю передачу и попытался подать назад. Внедорожник сдвинулся на несколько сантиметров, потом остановился – снова пробуксовка.

– Попробуй раскатать машину, – предложил Арло.

– А я, по-твоему, что делаю? – Дуг включил низшую передачу и попытался подать вперед. Колеса взвыли, но больше ничего не изменилось.

– Пап? – Голос у Грейс стал тонким от страха.
– Все хорошо, милая. Все будет хорошо.
– Что мы будем делать? – захныкала Грейс.
– Звать на помощь, только и всего. Вызовем эвакуатор, нас вытащат отсюда, и мы продолжим путь. – Дуг потянулся за мобильным. – Пусть мы опоздаем на обед, ну и бог с ним, все равно ведь это приключение! Будет о чем рассказать в школе, когда вернешься домой. – Он помолчал, озадаченно глядя на телефон. – У кого-нибудь есть сигнал?

– Хочешь сказать, у тебя не ловит? – спросила Элейн.

– Пусть каждый проверит.

Маура вынула из кармана мобильный.

– У меня нет полосочек.

– И у меня нет сигнала, – произнесла Элейн.

– Аналогично, – добавил Арло.

– Грейс? – Дуг обернулся к дочери.

Она отрицательно покачала головой и пронила:

– Мы тут застря-али?

– Давайте просто расслабимся. Мы наверняка что-нибудь придумаем. – Дуг сделал глубокий вдох. – Если мы не можем позвать на помощь, придется выбираться самим. Мы вытолкнем эту хреновину на дорогу. – Дуг переключился на нейтральную передачу. – Так, вылезает из машины. У нас все получится.

Правая дверца глубоко ушла в снег, и открыть ее Маура не смогла. Она перелезла через коробку передач на соседнее

сиденье, и Дуг помог ей выбраться с другой стороны. Снега здесь было чуть выше щиколотки. Только теперь, стоя рядом с перевернувшейся машиной, Маура осознала масштаб случившегося. Внедорожник лежал, накрываясь, в глубоком кювете. Колеса с правой стороны увязли в сугробе по шасси. Левые колеса не касались дорожного покрытия. «Нам не удастся вытащить это чудовище», – подумала Маура.

– У нас получится, – в порыве энтузиазма сказал Дуг. – Давайте, ребята. Все вместе.

– А что делать-то? – спросил Арло. – Без тягача эту дурынду не вытащить.

– Что ж, я готова попробовать, – сказала Элейн.

– Тебе хорошо, у тебя спина не болит.

– Хватит ныть, Арло. Давай налегай.

– Спасибо, Элейн. – Дуг выразительно посмотрел на подругу. Он полез в карман за перчатками. – Грейс, сядешь за руль. Будешь его крутить.

– Я же не умею водить!

– Нужно будет только поворачивать руль в сторону дороги, деточка.

– А может, кто-то другой это сделает?

– Ты из нас самая маленькая, все остальные будут толкать. Давай я помогу тебе забраться.

Грейс казалась испуганной, но все же вскарабкалась на водительское сиденье.

– Умница, – похвалил Дуг. Он спрыгнул в кювет, где снега

было выше колена, и положил обтянутые перчатками руки на капот машины. – Ну? – спросил он, глядя на своих взрослых спутников.

Элейн первая спустилась к нему в кювет. Маура полезла следом за ней, чувствуя, как снег проникает под штанины и набивается за отвороты сапог. Ее перчатки остались где-то в машине, и, когда она схватилась руками за металлический капот, ладони обожгло точно огнем.

– У меня спина не выдержит, – сказал Арло.

– У тебя есть выбор, – ответила Элейн. – Или что-то делать, или околеть от холода. Так ты спустишься наконец?

Арло демонстративно долго надевал перчатки, затем вязаную шапку. Старательно обматывал шею шарфом. И только полностью утеплившись, побрел к остальным.

– Итак, все вместе, – скомандовал Дуг. – Толкаем!

Маура всем телом навалилась на внедорожник, чувствуя, как сапоги соскальзывают назад. Она слышала, как рядом кряхтит Арло, чувствовала, что машина от их усилий чуть-чуть качнулась вперед.

– Руль, Грейси! – завопил Дуг. – Поворачивай влево!

Нос внедорожника на несколько сантиметров приподнялся вверх, к дороге. Они продолжали толкать. От напряжения у Мауры дрожали руки, мышцы задней поверхности бедер болели. Она зажмурилась и задержала дыхание – все ее усилия сейчас были направлены на то, чтобы сдвинуть с места три тонны стали. Она чувствовала, что ноги проскальзывают

ют. И вдруг внедорожник тоже заскользил, заваливаясь назад, на них.

– Берегись! – завопил Арло.

Маура вовремя отскочила – в следующий миг машина качнулась назад и опрокинулась на бок в кювет.

– Боже мой! – кричал Арло. – Нас чуть не раздавило!

– Папа! Папа! Я застряла, ремень запутался!

Дуг поспешил на выручку к дочери.

– Держись, милая, я тебя вытащу. – Он рывком распахнул дверцу и протянул руки, чтобы подхватить Грейс. Освободившись от ремня безопасности, девочка, задышавшись, прыгнула и упала в снег.

– Мы в полной заднице, – констатировал Арло.

Все пятеро выбрались из кювета и встали на дороге, глядя на машину. Внедорожник лежал на боку, наполовину зарывшись в снег.

Арло хихикнул – чувствовалось, что он на грани истерики.

– Одно я знаю точно: мы не успеваем на обед.

– Давайте как следует подумаем, – предложил Дуг.

– А чего тут думать? Нам ни за что не удастся вытащить этот танк. – Арло потуже затянул шарф. – Тут морозец, однако.

– Далеко еще до лыжной базы? – спросила Маура.

– Если верить Лоле, еще сорок километров, – сказал Дуг.

– А после автозаправки мы проехали почти пятьдесят ки-

лометров.

– Ага. Мы почти на полпути.

– Ого! – воскликнул Арло. – Лучше и придумать нельзя!

– Арло, заткнись, – велела Элейн.

– Но те пятьдесят километров, которые мы только что проехали, отсюда – это путь под гору, – заметил Дуг. – Уже легче.

Арло уставился на друга:

– Мы что, пройдем пятьдесят километров пешком в такую метель?

– Нет. Ты останешься здесь с женщинами. Спрячетесь в машине и будете греться. Я сниму лыжи с багажника и пойду за подмогой.

– Уже поздно, – сказала Маура.

– Я дойду.

– Уже полдень. У тебя всего три часа до темноты, а ночью на лыжах опасно. Можно свалиться с обрыва.

– Она права, – поддержала Элейн. – Нужно иметь целый световой день в запасе или даже два, чтобы преодолеть такое расстояние. А снег такой глубокий, не разбежишься.

– Я вас в это дело втравил – я и вытащу.

– Не валяй дурака. Останься с нами, Дуг.

Но он уже сползал в кювет, чтобы отвязать лыжи от верхнего багажника.

– Черт, больше ни слова плохого не скажу о говяжьих палочках, – бубнил Арло. – Надо было купить хоть немножко.

По крайней мере белковая пища.

– Ты никуда не пойдешь, Дуг, – сказала Элейн. – Во всяком случае не в такое время.

– Я сделаю привал, как стемнеет. Сооружу снежную пещеру или типа того.

– А ты умеешь строить снежные пещеры?

– Разве это трудно?

– Ты там замерзнешь и умрешь!

– Папочка, не ходи! – Грейс кубарем скатилась в кювет, схватила отца за руку и принялась оттаскивать его от багажника. – Прошу тебя!

Дуг глянул на взрослых, столпившихся на дороге, и закричал в отчаянии:

– Я хочу как лучше, неужели непонятно? Я хочу вытащить вас отсюда, а вы мне мешаете!

От неожиданности все испуганно притихли, дрожа от холода. Постепенно до них стало доходить, насколько все плохо. «Мы можем тут погибнуть», – пронеслось в голове у Мауры.

– Но ведь кто-нибудь проедет мимо? – сказала Элейн, оглядывая своих спутников в поисках поддержки. – Я хочу сказать – это же дорога общего пользования, и когда-нибудь появится снегоуборщик или еще что. Не может быть, что никто по ней не ездит.

– А ты кого-нибудь видела? – спросил Арло.

– Она не так далеко от большой трассы.

– На снег посмотри. Почти полметра насыпало, а будет еще глубже. Если бы дорогу собирались расчищать, давно бы уже расчистили.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Это наверняка сезонная дорога, – заключил Арло. – Поэтому ее нет на карте. Да, этот гребаный навигатор послал нас по кратчайшему пути – прямо через горы.

– В конце концов кто-нибудь тут появится.

– Ага. Весной. Помнишь, пару лет назад был случай в Орегоне, когда одна семья завязла в снегу? Они думали, что находятся на главной дороге, а оказались у черта на куличках. Никто даже не подумал их искать. Через неделю мужик решил пойти пешком и привести спасателей. Так и замерз до смерти.

– Заткнись, Арло, – сказал Дуг. – Ты пугаешь Грейс.

– Нет, он меня пугает, – поправила Элейн.

– Дорогая, я просто пытаюсь донести до тебя мысль, что на этот раз Дуги не сможет мигом все взять и исправить, – сказал Арло.

– Это я и без тебя знаю, – ответила Элейн. – Я не тупая.

Ветер гнал по дороге снежные вихри, колючие снежинки летели в лицо. Маура зажмурилась. Когда она снова открыла глаза, все стояли точно в тех же позах – словно застывшие фигуры, скованные холодом и отчаянием. Когда налетел очередной порыв ветра, она отвернулась, прикрывая лицо. И только тогда увидела зеленую крапинку – яркое пятнышко

на однообразном белом фоне.

Она пошла к ней, ступая по снегу, который, казалось, засасывал ее сапоги, затягивал ее все глубже.

– Маура, куда ты? – крикнул Дуг.

Она не останавливалась, хотя Дуг продолжал звать ее. И лишь подойдя ближе, Маура увидела, что зеленое пятнышко – это дорожный указатель, наполовину занесенный снегом. Она стряхнула его.

ЧАСТНАЯ ДОРОГА

ТОЛЬКО ДЛЯ ПОСТОЯННЫХ ЖИТЕЛЕЙ

УЧАСТОК ОХРАНЯЕТСЯ

Так много снега нападало, что самой дороги было не различить, лишь узкий просвет виднелся меж деревьями, а чуть дальше и он терялся в густом лесу. Въезд перегораживала металлическая цепь, ее звенья были украшены белой пушистой каймой.

– Тут дорога! – закричала Маура и, когда подтянулись остальные, указала на табличку. – Здесь сказано: «Только для постоянных жителей». Значит, эта дорога ведет к жилью.

– Она перегорожена цепью, – заметил Арло. – Сомневаюсь, что там сейчас есть люди.

– Зато там можно укрыться от непогоды. А это нам как раз и нужно.

Дуг с радостным смехом кинулся обнимать Мауру и со всей силы прижал ее к своему пуховику.

– Я знал, что это хорошая идея – взять тебя с собой! Док-

тор Айлз – острый глаз. Мы бы прошли мимо, и все.

Когда Дуг отпустил ее, Маура заметила, что Элейн пристально смотрит на них, и насторожилась, потому что в этом взгляде чувствовалась неприязнь. Но Элейн тут же отвернулась и посмотрела на внедорожник.

– Давайте заберем наши вещи из машины, – сказала она.

Непонятно было, далеко ли им придется нести пожитки, поэтому Дуг предложил забрать только то, что пригодится для ночевки. Маура оставила в машине свой чемодан и взяла только дамскую сумочку и пакет, в который сложила туалетные принадлежности и дополнительный свитер.

– Элейн, ты ведь не потащишь с собой чемодан? – спросил Арло.

– Но он же маленький! У меня там украшения и косметика.

– Да тут же глушь кругом!

– Ну, там есть и другие полезные вещи.

– Какие вещи?

– Другие. – И она решительно направилась к частной дороге. Ее чемоданчик на колесах взрывал снег, точно плут.

– Ладно, давай понесу, – вздохнул Арло и забрал у нее чемодан.

– Все взяли самое необходимое? – крикнул Дуг.

– Подождите, – сказала Маура. – Нужно оставить записку на случай, если кто-то найдет машину.

Она достала из сумочки авторучку и блокнот и написа-

ла: «Застряли в снегу. Пожалуйста, вызовите спасателей. Мы пошли по частной дороге». Положила записку на видное место – на приборную доску – и захлопнула дверцу.

– Ну все, – сказала Маура, надевая перчатки. – Теперь я готова.

Перешагнув через цепь, они направились по дороге, уводящей в лес. Арло пыхтел и отдувался, волоча за собой чемоданчик на колесиках.

– Когда вернемся домой, Дуг, – задыхаясь, проговорил Арло, – с тебя ужин. И не простой, а грандиозный. «Вдова Клико». Черная икра. И шницель размером с Лос-Анджелес.

– Перестань, – взмолилась Элейн. – А то нам есть захочется.

– А разве ты еще не проголодалась?

– Что толку об этом говорить?

– Не говорить – тоже никакого толку. – Арло медленно, с трудом продвигался вперед, волоча по снегу чемодан подружки. – А теперь мы и ужин пропустим.

– Наверняка мы найдем какую-нибудь еду, – сказал Дуг. – Даже если дом на зиму запирают, в кладовке всегда остается что-нибудь. Арахисовое масло. Или макароны.

– Вот что значит полная безнадега. Это когда слово «макароны» начинает звучать заманчиво.

– У нас же приключение, ребята. Вы что, забыли? Представьте, что мы выпрыгнули из самолета, – и теперь остается только надеяться на удачное приземление.

– Я не такой, как ты, Дуг, – возразил Арло. – Я не выпрыгиваю из самолетов.

– Ты не представляешь, как много ты потерял.

– Обед.

Идти по глубокому снегу было трудно. Несмотря на мороз, Маура вспотела под лыжной курткой. Горло у нее саднило при каждом вздохе. Не было сил прокладывать путь по целине, поэтому она шла по следам Дуга, стараясь ставить ногу ровно в след от его ботинка. Нужно было только набраться терпения и не сбавлять темпа – правой-левой, ать-два, не обращая внимания на усталость, на боль в груди, на промокшие выше щиколоток брюки.

Кое-как преодолев невысокий подъем, Маура оглянулась, на обозначившуюся за ними неровную цепочку следов. И когда Дуг внезапно остановился, она чуть не налетела на него.

– Эй, ребята! – крикнул Дуг остальным. – Мы спасены!

Маура выглянула из-за его плеча и увидела далеко впереди долину, крыши десятка деревянных домов. Над ними не вился дымок, дорога, ведущая под уклон, была укрыта ровной снежной пеленой.

– Я не вижу признаков жизни, – сказала она.

– Можно забраться в какой-нибудь дом. По крайней мере, нам будет где переночевать. Остается пройти еще километра три под горку, думаю, мы успеем до наступления темноты.

– Эй, глядите-ка! – воскликнул Арло. – Вот еще указатель. – Проваливаясь по колено, он добрал до таблички и

смахнул налипший снег.

– Что там написано? – спросила Элейн.

С минуту Арло молчал, глядя на надпись так, словно она была на тарабарском языке.

– Теперь я понимаю, что имел в виду старикан на заправке, – пробормотал он.

– Ты о чем?

– Тут название деревни, которая в долине. – Арло отошел в сторону, и Маура наконец прочла надпись на указателе: «ЛУЧШИЙ МИР».

– Я не вижу линий электропередачи, – сказал Арло.

– Значит, у меня не получится зарядить айпад? – огорчилась Грейс.

– У них могут быть подземные кабели, – предположил Дуг. – Или генераторы. На дворе двадцать первый век. Никто не живет без электричества. – Он поправил рюкзак. – Пошли, путь неблизкий. Нам надо попасть туда еще засветло.

И они начали спускаться по склону, перелезая через сугробы, навстречу ветру, который словно крапивой жалил лицо. Дуг шел первым, прокладывая путь по девственно-чистой снежной целине, а Грейс, Элейн и Арло вереницей следовали за ним. Маура шла замыкающей. Хотя они двигались под горку, этот отрезок пути оказался очень изматывающим, потому что в долине снег был глубже. Они уже не переговаривались, сил хватало только на то, чтобы переставлять ноги.

В этот день все шло абсолютно не так, как представлялось Мауре. «Вот если бы мы не послушались навигатора и сверились с картой! – думала она. – Мы бы уже были на лыжной базе и потягивали бы вино, сидя у пылающего камина. И главное: если бы я не приняла приглашение Дуга, я бы вообще не застряла здесь с этими людьми. Я бы вернулась в свою гостиницу, где ночью безопасно и тепло». Безопасность и надежность – вот чему она всегда отдавала предпочтение.

Капиталовложения без риска, безопасные машины, безопасные путешествия. Только с мужчинами она позволяла себе рисковать, и каждый раз это плохо кончалось. Дэниел, а теперь вот Дуглас. «Надо взять за правило, – сказала она сама себе. – Впредь лучше избегать мужчин, имя которых начинается на „Д“». Но на этом сходство двух мужчин и заканчивалось. Дуглас был очарователен, отчасти благодаря своей неуправляемости и безрассудству. Рядом с ним и Мауре хотелось быть безрассудной.

И вот вам результат, думала она угрюмо, ковыляя вниз по склону горы. Доверилась этому безалаберному типу – и куда он ее завел? Самое ужасное – Дуглас упорно не желает признавать, что оказался в непростой ситуации, которая чем дальше, тем хуже становится. В солнечном мире Дуга все всегда должно закончиться наилучшим образом.

Начало смеркаться. Они прошли примерно полтора километра, и ноги Мауры словно налились свинцом. Если сейчас она упадет от усталости, остальные, наверное, и не услышат. Когда стемнеет, ее уже не найдут – к утру ее полностью занесет снегом. Как просто, оказывается, взять и исчезнуть! Стоит заблудиться в метель – и тебя заметет, накроет белый сугроб. Никто так и не узнает, что с тобой стало. Ни одному из бостонских знакомых Маура не сказала о предстоящей ночевке в горах. В кои-то веки она решилась на необдуманный поступок – расслабиться и получить удовольствие, как говорит Дуг. К тому же Маура надеялась выбросить Дэниела

из головы и проявить независимость. Убедить себя, что она все еще сама себе хозяйка.

Сумка соскользнула с плеча, мобильник вывалился на снег. Маура схватила его, отряхнула и проверила прием. По-прежнему нет связи. Здесь это бесполезная безделушка, решила она и выключила телефон, чтобы не разряжался аккумулятор. Интересно, звонил ли ей Дэниел? Встревожился ли он, что Маура не отвечает на его голосовые сообщения? Или решил, что она специально пропускает его звонки, и будет дожидаться, когда она сама нарушит молчание?

«Если ты будешь ждать слишком долго, я могу умереть», – подумалось Мауре.

Вдруг разозлившись на Дэниела, на Дугласа, на весь этот скверный, незадавшийся день, она, точно бык, ринулась в последний сугроб глубиной по пояс. Вскоре Маура, пошатываясь, догнала попутчиков, которые уже стояли на ровной земле. Теперь можно было наконец перевести дух. Изо ртов путешественников вылетали облачка пара. Снежные хлопья порхали, как белые мотыльки, и приземлялись с тихим звуком, похожим на тиканье часов.

В сгущающейся мгле можно было различить два ряда однотипных домов – темных, таинственно притихших. У всех зданий были одинаковые покатые крыши, одинаковые пристроенные гаражи, одинаковые верандочки и даже качели на них были одинаковые. Во всем, вплоть до количества окон, эти домики выглядели как настоящие клоны.

– Добрый вечер! – крикнул Дуг. – Есть тут кто-нибудь?

Ответом ему было лишь эхо в обступивших долину горах, да и оно вскоре смолкло вдали.

– Мы пришли с миром! – крикнул Арло. – И принесли кредитки!

– Не смешно, – заметила Элейн. – Мы тут околеем от холода.

– Ничего подобного, никто не околеет, – возразил Дуг.

Он, громко топая, поднялся на крыльцо ближайшего домика и забарабанил в дверь. Подождал несколько секунд и снова постучал. В ответ на веранде скрипнули качели, их сиденье покрывал снег.

– Ломай замок, – сказала Элейн. – У нас крайний случай.

Дуг повернул ручку, и дверь распахнулась. Он оглянулся на своих спутников:

– Будем надеяться, что там никто не караулит нас с двустволкой.

В доме было не теплее, чем снаружи. Путешественники стояли в полумраке, поеживаясь и выдыхая облачка пара, словно огнедышащие драконы. За окном угасал свет серого зимнего дня.

– Ни у кого, случайно, фонарика нет? – спросил Дуг.

– У меня, кажется, есть, – сказала Маура и полезла в сумочку за светодиодным фонариком «Маглайт», которым всегда пользовалась на работе. – Вот черт! – пробормотала она. – Только сейчас вспомнила, что оставила его дома. Я не

думала, что он мне понадобится на конференции.

– Может, где-нибудь выключатель есть?

– На этой стене нет, – сказала Элейн.

– Вообще не вижу розеток, – заметил Арло. – И электроприборов включенных нет. – Он помолчал. – Знаете что? Похоже, тут нет электричества.

С минуту все подавленно молчали, расстроенные новым открытием. Не было слышно ни тиканья часов, ни урчания холодильника. Вокруг царила мертвенная пустота нежилого пространства.

Вдруг звякнул металл – и Маура от неожиданности подскочила.

– Простите, – извинился стоявший возле очага Арло. – Я опрокинул какую-то каминную штуку. – Он помолчал. – Эй, да тут спички есть!

Они услышали чирканье спички – и в дрожащем свете желтого язычка пламени увидели дрова, сложенные возле камина. Но тут спичка догорела.

– Давайте разведем огонь, – предложил Дуг.

Маура вспомнила о газете, купленной возле автозаправки, и достала ее из своей сумочки.

– Нужна газета для растопки?

– Нет, здесь их целая куча.

В темноте было слышно, как Дуг шарит в поисках щепы и шуршит бумагой. Он зажег новую спичку, и бумага занялась.

– Да будет свет! – провозгласил Арло.

Так и случилось. А еще стало тепло – когда запылали щепки, по комнате стали распространяться блаженные волны горячего воздуха. Дуг подбросил в огонь два полена, и все придвинулись ближе, с наслаждением подставляя лица и руки живительному теплу и свету.

Теперь можно было разглядеть комнату. Мебель была деревянная, простая и грубо сделанная. На полу у камина лежал большой домотканый половик. Стены были голые, если не считать плаката в рамке, – на нем был изображен мужчина с пронзительными черными глазами и гривой пышных темных волос. Он с благоговением взирал в небеса.

– А вот и керосиновая лампа, – сказал Дуг. Он зажег фитиль и улыбнулся, когда в комнате стало еще светлее. – Теперь у нас есть свет и куча дров. Если их подбрасывать, помещение скоро прогреется.

Маура вдруг нахмурилась, глядя в камин, где было много старой золы. Дрова горели отлично, язычки пламени обхватывали поленья, словно острые зубы.

– Мы про выюшку забыли, – сказала она.

– Но горит хорошо, – ответил Дуг. – Дыма нет.

– О том и речь. – Маура присела на корточки и заглянула в дымоход. – Выюшка была открыта. Вот что странно.

– Почему?

– Потому что хорошие хозяева, когда запирают дом на зиму, выметают старую золу и закрывают выюшку. – Маура помолчала. – А еще запирают дверь.

Все притихли, слышно было лишь, как потрескивают дрова в камине. Маура видела, что другие озираются, с опаской взглядываясь в темные участки помещения. Она знала, о чем они сейчас думают. «А действительно ли жильцы покинули этот дом?»

Дуг поднялся и взял в руки керосиновую лампу.

– Пойду осмотрю остальные помещения.

– Я с тобой, папочка, – сказала Грейс.

– И я, – вызвалась Элейн.

Теперь поднялись все. Никто не хотел оставаться в комнате.

Дуг первым вышел в прихожую. Косые тени от лампы метались по стенам. Они вошли в кухню – пол и шкафчики из сосны, дровяная печь. Над раковиной из черного сланца виднелся ручной насос для колодезной воды. Но больше всего их поразил обеденный стол.

На нем были четыре тарелки, четыре вилки и четыре стакана с замерзшим молоком. На тарелках лежала затвердевшая и покрытая морозной коркой еда – что-то темное, комковатое рядом с горками окаменевшего картофельного пюре.

Арло ткнул вилкой в темный комочек.

– Похоже на фрикадельки. Как думаете, где тарелка Медвежонка?³

³ *Медвежонок* – персонаж международной детской образовательной телепрограммы «Улица Сезам».

Никто не засмеялся.

– Они оставили обед на столе, – сказала Элейн. – Налили молока, разложили еду. А потом... – Ее голос пресекся, и она посмотрела на Дуга.

В полутьме керосиновая лампа вдруг мигнула, откуда-то потянуло сквозняком. Дуг подошел к окну – оно было распахнуто настежь – и закрыл его.

– Это тоже странно, – заметил он, мрачно глядя на толстый слой снега, скопившийся в кухонной раковине. – Кто оставляет окна открытыми, когда на улице мороз?

– Эй, глядите-ка. Тут есть еда! – Арло открыл дверцу буфета и обнаружил полки, заставленные съестными припасами. – Мука. Сушеная фасоль. А в банках – кукуруза, персики, соленые огурчики. Ну, этого нам до второго пришествия хватит.

– Доверьтесь Арло, он всегда найдет чем подкрепиться, – съязвила Элейн.

– А что? Я всего лишь последний охотник-собиратель. По крайней мере, с голоду мы не умрем.

– Ну, такого с тобой никогда не случится.

– А если мы растопим эту печь, – сказала Маура, – дом быстрее нагреется.

Дуг глянул вверх, в доме ведь был и второй этаж.

– Надеюсь, больше нигде нет открытых окон. Надо бы проверить другие комнаты.

И снова все вызвались пойти с ним, никому не хотелось

оставаться. Дуг заглянул в пустой гараж, потом направился к лестнице на второй этаж. Он поднял лампу повыше, но слабый свет выхватил из темноты лишь ряд полутемных ступенек, уводящих в крошечную мглу. Компания двинулась вверх по ступеням. Маура шла последней, и ее окружала самая густая мгла. В фильмах ужасов замыкающий, бедный неудачник, всегда первым принимает на себя удар – в его спину сразу же вонзается стрела, или топор обрушивается ему на голову. Маура бросила взгляд через плечо, но позади чернела лишь тьма.

Первая комната, в которую вошел Дуг, оказалась спальней. Все остальные поспешили следом и увидели большую, аккуратно застеленную деревянную кровать. У изножья стоял сосновый сундук, на нем лежали небрежно брошенные джинсы. Мужские, пятьдесят второго размера, с потертым кожаным ремнем. Пол в спальне был присыпан снежной крупкой, – видимо, нанесло из окна, которое и здесь было распахнуто. Дуг закрыл его.

Маура подошла к комоду и взяла в руки фотографию в простой оловянной рамке. На снимке были изображены четверо: мужчина и женщина, между которыми стояли две светловолосые девочки лет девяти-десяти, с аккуратно заплетенными косичками. У мужчины волосы были зачесаны назад. Он смотрел в объектив так решительно, словно бросал вызов каждому, кто усомнился бы в его власти. Женщина, тоже со светлыми косами, была бледна и некрасива, черты ее бес-

цветного лица почти сливались с фоном. Маура представила, как эта женщина хлопочет на кухне, светлая прядь выбивается из прически и падает на лицо. Или накрывает на стол, раскладывает по тарелкам еду. Горки картофельного пюре, мясо с подливкой.

А что потом? Что заставило все семейство бросить нетронутую еду и оставить ее засыхать на столе?

Элейн вцепилась в руку Дуга.

– Ты слышал? – прошептала она.

Все замерли. Только теперь Маура услышала поскрипывание, как будто кто-то ступает по деревянным половицам.

Дуг медленно вышел в коридор и направился к следующей двери. Высоко подняв лампу, он шагнул в соседнюю комнату – это оказалась еще одна спальня.

– Боже, какие мы идиоты! – рассмеялась Элейн и указала на дверь чулана, которая раскачивалась и скрипела под порывами ветра, залетавшего в открытое окно. Успокоившись, она без сил опустилась на одну из кроватей-близнецов. – Заброшенный дом, только и всего! А мы напридумывали всякого и сами себя запугали.

– О себе говори, – сказал Арло.

– Да ладно, как будто ты не струсил.

Маура закрыла окно и вгляделась в ночную мглу. Она не увидела ни огней, ни каких-либо иных признаков того, что в мире есть еще хоть кто-то, кроме них. На письменном столе лежала стопка учебников. «Программа индивидуального

домашнего обучения. Уровень 4». Маура раскрыла учебник на странице упражнений по правописанию. Имя и фамилия ученицы были выведены печатными буквами на внутренней стороне обложки: Абигайль Страттон. Одна из двух девочек с фотографии, решила Маура. Это их комната. Но, оглядывая стены, она не заметила ни одной вещи, которая бы указывала на то, что здесь жили девочки-школьницы. Здесь не было ни плакатов с героями фильмов, ни фотографий звезд. Только две аккуратно застеленные одинаковые кровати и эти учебники.

– Думаю, теперь мы можем считать этот дом нашим, – сказал Дуг. – Засядем здесь и будем ждать, пока кто-нибудь придет за нами.

– А если никто не придет? – спросила Элейн.

– Должны же нас хватиться, в конце-то концов. Мы забронировали номера на лыжной базе.

– Они подумают, мы их кинули. А на работу нам выходить только после Дня благодарения. Через девять дней.

Дуг посмотрел на Мауру:

– Ты собиралась завтра лететь домой, кажется?

– Да, но никто не знает, что я поехала с тобой, Дуг. Никто не знает, где меня искать.

– И с какой стати они будут искать нас здесь? – добавил Арло. – Это же дикие места. Дорогу откроют не раньше весны, а это значит, много месяцев пройдет, прежде чем нас отыщут. – Арло опустился на кровать рядом с Элейн и уро-

нил голову на руки. – Боже, как мы влипли!

Дуг окинул взглядом своих приунывших спутников.

– Ну а я не намерен поддаваться панике. У нас достаточно еды и дров, так что смерть от голода и холода нам не грозит. – Он дружески хлопнул Арло по спине. – Держись, приятель. Это же приключение! Могло быть и хуже.

– Бывает хуже? – ужаснулся Арло.

Никто не ответил. Никому не хотелось отвечать.

Когда детектив Джейн Риццоли прибыла на место преступления, там уже собралась кучка зевак, привлеченных светом проблесковых маячков на крышах машин Бостонского управления полиции, а также необъяснимым внутренним чутьем, которое, похоже, всегда толкает толпы туда, где произошло что-то плохое. Насилие выделяет нечто вроде своих феромонов, люди учуяли этот запах и теперь теснились возле сетки-рабицы, ограждавшей владения компании «Сохрани все», надеясь хоть краешком глаза увидеть то, что привело полицию в их края.

Джейн припарковалась и вышла из машины, застегивая пальто – на улице было холодно. Утром дождь перестал, но с ясной погодой пришло резкое похолодание, и Риццоли пожалела, что не захватила с собой теплых перчаток, только латексные. Она еще не подготовилась к зиме – не успела положить в машину скребок для льда, щетку для снега. А зима уже вступила в свои права.

Она вошла в ворота, затем прошла в помещение, показав пропуск патрульному, который охранял вход. Зеваки таращились на нее из-за ограды, делая снимки мобильными телефонами. «Эй, мам, глянь, как я смотрюсь на месте преступления». «Да бросьте вы это, – думала Джейн, – займитесь делом». Она кожей чувствовала нацеленные на нее объ-

ективы фотокамер, когда шла по обледенелому асфальту к складу № 22. Трое тепло одетых полицейских стояли возле склада – руки в карманах, фуражки надвинуты на лоб.

– Эй, детектив! – окликнул один из них.

– Это здесь?

– Да. Детектив Фрост уже внутри, с управляющей. – Полицейский взялся за ручку и рванул вверх алюминиевую дверь. Она с грохотом поднялась, и в заставленном помещении Джейн увидела своего напарника Барри Фроста. Возле него стояла женщина средних лет. Ее белая куртка-пуховик казалась такой объемистой, точно она привязала к груди подушку.

Фрост представил их друг другу.

– Это Дотти Дуган, управляющая компанией «Сохрани все». А это моя напарница, детектив Джейн Риццоли.

Они не вынимали рук из карманов: было слишком холодно для формальных приветствий.

– Так это вы вызвали полицию? – спросила Джейн.

– Да, мэм. Я только что рассказывала детективу Фросту, как я перепугалась, когда увидела, что там лежит.

Порыв ветра подхватил клочки бумаги, и они разметались по бетонному полу.

– Не могли бы вы закрыть дверь? – попросила Джейн полицейского у входа.

Они подождали, когда алюминиевая дверь с грохотом опустится, отгородив их от улицы. В помещении было не

теплее, чем снаружи, зато по крайней мере не дул ветер. Одинокая лампочка без абажура раскачивалась под потолком, ее резкий свет подчеркивал темные мешки под глазами у Дотти Дуган. Даже Фрост, которому не исполнилось и сорока, выглядел в этом освещении старым и измученным, лицо его казалось мертвенно-бледным. Помещение было беспорядочно заставлено старой мебелью. Джейн заметила потертую кушетку с яркой тканевой обивкой в цветочек, заляпанное кресло, обитое искусственной кожей, и разнообразные деревянные стулья, среди которых не было и двух одинаковых. Сюда свезли столько мебели, что ее пришлось складывать штабелями вдоль стен, – получились ряды высотой три метра.

– Она всегда вовремя платила, – сказала Дотти Дуган. – Каждый год в октябре я получала чек за год аренды. А это одна из самых крупных наших ячеек, три на девять. Она не из дешевых.

– Кто наниматель? – спросила Джейн.

– Бетти Энн Баумейстер, – ответил Фрост. Он пролистал блокнот и прочел информацию, которую успел записать: – Она арендовала эту ячейку одиннадцать лет подряд. Постоянно жила в Дорчестере.

– Жила?

– Она умерла, – пояснила Дотти Дуган. – Я слышала, от сердечного приступа. Это случилось недавно, но я не знала, пока не попыталась получить арендную плату. В первый раз

она не прислала мне чек, так что я сразу заподозрила неладное. Я попробовала связаться с ее родственниками, но нашелся только престарелый дядюшка где-то в Южной Каролине. Оттуда она сама была родом. Говорила с таким приятным южным акцентом, очень милым. Я еще подумала, как жаль, что она переехала в такую даль, в Бостон, и умерла в одиночестве. Так я тогда подумала. – Дотти горько усмехнулась и поежилась, словно ей было холодно в объемистом пуховике. – Нельзя ведь заранее знать, да? Такая приятная обходительная дама. Мне было даже стыдно распродавать ее вещи, но не могла ведь я просто оставить их здесь... – Управляющая огляделась по сторонам. – Хотя за них много и не выручишь.

– Где вы его обнаружили? – спросила Джейн.

– Вон у той стенки. Где розетка. – Дотти Дуган повела их по ущелью из штабелированных стульев туда, где стоял большой морозильный ларь.

– Я думала, у нее там мясные деликатесы или еще что. Ну, то есть зачем держать его включенным круглый год, если ты не хранишь там что-то стоящее? – Дотти замолчала и поглядела на Джейн и Фроста. – Если позволите, я лучше не буду вам мешать. Мне правда не хочется еще раз смотреть на это.

Управляющая отвернулась и быстро засемила к выходу. Джейн и Фрост переглянулись. Риццоли подняла крышку. Холодный пар вырвался из морозилки, заволакивая то, что лежало внутри. Потом туман рассеялся, обнажая содер-

жимое.

Внутри оказалось обернутое прозрачной полиэтиленовой пленкой тело мужчины. На бровях и ресницах белел иней. Мертвец сидел в позе эмбриона, прижав колени к груди. Его обнаженное тело с трудом уместилось в тесном ящике. На его щеках остались пятна морозных ожогов, однако кожа была гладкой – молодая плоть сохранилась прекрасно, как хороший кусок мяса, бережно завернутый и отложенный до лучших времен.

– Арендуя этот отсек, она очень просила надежную электрическую розетку, – сообщила Дотти, отворачивая лицо, чтобы не смотреть на того, кто лежал в морозильнике. – Сказала, мол, никак нельзя, чтобы электричество вырубалось. Теперь понятно почему.

– Вы еще что-нибудь знаете о мисс Баумейстер? – спросила Джейн.

– Да я все уже рассказала детективу Фросту. Платила вовремя, щеки всегда были хорошие. Мои арендаторы в основном приходят и уходят, не всегда им хочется болтать. Да и что хорошего они могут рассказать? Был у человека дом – и нет дома, поэтому его пожитки перекочевывают сюда. Старье, которое даже с молотка не продашь. Почти всегда такое. – Взмахом руки Дотти показала на изношенную мебель, сложенную вдоль стен. – Барахло, имеющее ценность только для самих хозяев.

Джейн медленно осматривала предметы, которые Бетти

Энн Баумейстер считала своим долгом хранить последние одиннадцать лет. Если платить по двести пятьдесят долларов в месяц, то за год набирается три тысячи, а за десятилетие набежало тридцать тысяч – немалые деньги за то, чтобы просто хранить вещи. Всей этой мебели хватило бы, чтобы полностью, пусть и не в едином стиле, обставить домик с четырьмя спальнями. Комоды и книжные шкафы были из покоробленных древесностружечных плит. Пожелтевшие абажуры казались такими ветхими, что тронь – и рассыплются. Беспольный хлам, с точки зрения Джейн. Но когда Бетти Энн смотрела на эту продавленную кушетку и на то колченогое кресло, что она видела – сокровища или хлам?

А к какой категории она относилась мужчине в морозильном ларе?

– Думаете, она его убила? – спросила Дотти Дуган.

Джейн повернулась к управляющей:

– Не знаю, мэм. Мы не знаем даже, кто он. Придется подождать выводов судмедэксперта.

– Если она его не убивала, зачем тогда запихала в морозилку?

– Вы не поверите, на что способны люди. – Джейн закрыла крышку морозильника, чтобы не видеть больше замороженного лица и заиндевелых ресниц. – Может быть, она просто не хотела его терять.

– Наверно, вы, детективы, много чудного видите.

– Больше, чем хотелось бы, – произнесла Джейн со вздо-

хом, при этом из ее рта вырвалось облачко пара.

Ей не хотелось прочесывать это мрачное выстуженное помещение в поисках вещдоков. По крайней мере, время не поджигает: нет ни малейших оснований полагать, что какое-либо доказательство или подозреваемая улика улизнут от правосудия.

Зазвонил ее мобильник.

– Извините, – сказала Джейн, отходя в сторону, чтобы ответить на звонок. – Детектив Риццоли.

– Простите, что побеспокоил вас в такой поздний час, – произнес отец Дэниел Брофи. – Я только что говорил с вашим мужем, и он сказал, что вы работаете на месте происшествия.

Джейн не удивилась, услышав этот голос. Как священнослужителя, приставленного к Бостонскому управлению полиции, отца Брофи часто вызывали на место преступления, когда надо было успокоить обезумевших от горя людей.

– У нас тут все в порядке, Дэниел, – сказала Риццоли. – Похоже, здесь нет родственников, которые бы нуждались в душепопечении.

– Вообще-то, я звоню насчет Мауры. – Отец Брофи умолк.

Эту тему ему было трудно обсуждать, и понятно почему. Его роман с Маурой едва ли был тайной для Джейн, и Дэниел понимал, что она эту связь не одобряет, хотя никогда не говорила об этом прямо.

– Ее мобильный не отвечает, – сказал он. – Меня это бес-

покоит.

– Может, она просто не отвечает на звонки.

«На ваши звонки», – подумала она, но вслух не сказала.

– Я оставил ей несколько голосовых сообщений. Я просто подумал: может, вы недавно связывались с ней?

– Даже не пыталась.

– Я хочу убедиться, что с ней все в порядке.

– Она сейчас на конференции, кажется? Может, просто отключила телефон?

– Значит, вы не знаете, где Маура.

– Кажется, где-то в Вайоминге.

– Да. Я знаю, где она должна быть.

– Вы звонили в гостиницу?

– В том-то и дело. Сегодня утром она расплатилась и уехала.

Джейн обернулась на скрежет: рифленая дверь опять стала подниматься и под ней, пригнувшись, проскочил судмедэксперт.

– Я сейчас занята, – сказала она Брофи.

– Маура не собиралась уезжать до завтрашнего утра.

– Ну так передумала. У нее могли измениться планы.

– Она мне ничего не сказала. Меня больше всего беспокоит то, что я не могу до нее дозвониться.

Джейн помахала рукой судмедэксперту, который протиснулся между нагромождениями мебели и встал у морозильника рядом с Фростом. Ей не терпелось приступить к работе,

поэтому она сказала без обиняков:

– Может, Маура не хочет, чтобы до нее дозванивались. Вы не думали, что ей, возможно, захотелось побыть одной?

Дэниел молчал.

Жестоко было задавать такой вопрос, и Риццоли тут же пожалела о сказанном.

– Понимаете, – произнесла она, смягчившись, – у нее был трудный год.

– Я знаю.

– У вас на руках все карты, Дэниел. Все зависит от вашего решения, от вашего выбора.

– Вы думаете, мне от этого легче – знать, что выбор за мной?

Ощувив боль в его голосе, Джейн подумала: зачем люди сами себя наказывают? Почему два разумных и достойных представителя рода человеческого доводят себя до такого унижительного состояния? Много месяцев назад она предвидела, что этим и кончится, что в один прекрасный день, когда гормоны перестанут буйствовать и опадет мишура, опутывающая этот блестящий новый роман, останется лишь горечь сожаления.

– Я просто хочу убедиться, что с ней все в порядке, – сказал Дэниел. – Я бы не побеспокоил вас, если бы не эта тревога.

– Я не слежу за ее перемещениями.

– Но вы можете это сделать – для меня?

– Каким образом?

– Позвоните ей. Может, вы правы и она просто сбрасывает мои звонки. Наш последний разговор не... – Брофи осекся. – Мог бы завершиться на более радостной ноте.

– Вы поссорились?

– Нет, но я ее расстроил. Я знаю это.

– Вот вам и причина, почему она не отвечает на ваши звонки.

– И все же это не в ее характере – быть недоступной.

Тут он был прав. Маура слишком сознательна, чтобы долго находиться вне досягаемости.

– Я ей позвоню, – пообещала Джейн и нажала на кнопку «отбой», радуясь, что ее собственная жизнь такая размеренная. Ни тебе слез, ни драм, ни безумных взлетов и падений. Просто счастливая уверенность, что в данный момент ее муж и дочь дома и ждут ее.

А вот вокруг, как ей казалось, романтический вихрь только и делает, что разрушает чью-то жизнь. Ее отец бросил маму и ушел к другой. У Барри Фроста тоже недавно распалась семья. Все ведут себя не так, как раньше, не так, как надо бы. Набирая номер Мауры, Джейн думала: «Неужели я единственная, кто еще не сошел с ума?»

После четырех долгих гудков включилась запись: «Это доктор Айлз. Я сейчас не могу вам ответить. Но если вы оставите сообщение, я перезвоню вам при первой же возможности».

– Эй, док, мы тут голову ломаем, куда ты подевалась, – сказала Джейн. – Позвони мне, ладно? – Риццоли нажала на «отбой» и долго смотрела на свой мобильный, думая о том, почему Маура не ответила.

Она вне зоны доступа. Батарейки сели. А может, веселится напропалую в этом своем Вайоминге, вдали от Дэниела Брофи. Вдали от работы, в которой все напоминает о смерти и разложении.

– Все в порядке? – крикнул ей Фрост.

Джейн сунула телефон в карман и посмотрела на Барри.

– Да, – ответила она. – Я уверена, что все хорошо.

– Как по-вашему, что здесь произошло? – спросила Элейн, слегка растягивая слова: она выпила слишком много виски. – Куда делась эта семья?

Путники сидели возле камина, кутаясь в одеяла, которые обнаружили наверху в выстуженных спальнях. Банки и обертки, оставшиеся от недавнего пира, валялись рядом, на полу. Ужин состоял из свиной тушенки с фасолью, макарон с сыром, соленых крекеров и арахисового масла. Эти продукты с повышенным содержанием натрия они запили бутылкой дешевого виски, которую удалось найти в дальнем углу кладовки, за мешками с мукой и сахаром.

Наверное, это ее виски, подумала Маура, вспомнив запечатленную на фотографии женщину с пустыми, невыразительными глазами и бледным лицом. Свой тайный запас спиртного она наверняка стала бы хранить в кладовой – туда муж ни за что не полез бы искать. Судя по всему, он считал, что стряпня – женское занятие. Маура сделала глоток. Виски обожгло горло, а она задумалась: что толкнуло женщину к пьянству? Какие страдания заставили ее искать утешения в алкоголе?

– Что ж, – начал Арло, – мне в голову приходит лишь одно логическое объяснение, куда ушли эти люди.

Элейн снова наполнила свой стакан, добавив лишь чуть-

чуть воды.

– Интересно послушать.

– Итак, время ужина. Жена с ужасной прической ставит на стол еду, и все готовы сесть, помолиться, или что там у них положено. А муж вдруг хватается за грудь и кричит: «Мне плохо! Сердце!» Все набиваются в машину и мчатся в больницу.

– Оставив входную дверь открытой?

– А чего ее запирать? Что тут воровать-то? – Арло презрительно махнул рукой в сторону мебели. – Кроме того, кому тут вламываться? Кругом глушь, ни живой души. – Он помолчал, поднял свой стакан и насмешливо добавил: – За исключением всех присутствующих.

– Такое впечатление, что они уехали много дней назад. Почему не вернулись?

– Дороги, – сказала Маура.

Она достала газету, купленную днем в магазине при автозаправке. Теперь казалось, что это было так давно! Развернув газету, она поднесла ее поближе к камину, где было светлее, так что все смогли прочесть заголовок, который она заметила и раньше, когда оплачивала покупку.

ХОЛОДА ВОЗВРАЩАЮТСЯ

После недели на редкость теплой погоды, когда столбик термометра поднимался до рекордной отметки + 19 °С, к нам пришли холода с порывистым ветром. Метеорологи предсказывают: во вторник

вечером начнется обильный снегопад. Предполагают, что выпадет от пятидесяти до ста миллиметров осадков. Вскоре после этого нас ожидает еще более мощный буран, а в ближайшую субботу снегопад может стать даже сильнее.

– Может быть, они не смогли вернуться, – сказала Маура. – Может, они уехали до снегопада во вторник, когда дорога еще была чистой.

– Это объясняет, почему окна были открыты, – поддержал Дуг. – Потому что было еще тепло, когда они уезжали. А потом пошел снег. – Он кивнул на Мауру. – Ну разве я не говорил вам, что она сокровище? Доктор Айлз всегда найдет логичное объяснение.

– Это значит, что обитатели дома собирались вернуться, – подытожил Арло. – После того, как дороги расчистят.

– Если не передумали, – добавила Элейн.

– Они оставили дом незапертым, а окна открытыми настежь. Значит, они обязаны были вернуться.

– Сюда? Здесь ведь нет ни электричества, ни соседей. Да какая нормальная женщина смирится с этим? А правда – где все их соседи?

– Это плохое место, – тихо проговорила Грейс. – Я бы не стала возвращаться.

Все уставились на девочку. Она сидела чуть поодаль от остальных и так плотно закуталась в одеяло, что в полумраке была похожа на мумию. Она долго не участвовала в раз-

говоре, слушая айпад, но теперь вынула из ушей наушники, обхватила себя руками и, округлив глаза, осматривала комнату.

– Я заглянула в их шкаф для одежды, – сказала Грейс. – В комнате, где спали родители. Вы знаете, что у него было шестнадцать ремней? Шестнадцать кожаных ремней, каждый висит на своем гвоздике. А еще там толстая веревка. Зачем хранить веревку в шкафу для одежды?

Арло нервно хихикнул:

– Ничего, кроме как «детям до шестнадцати», на ум не приходит.

Элейн легонько шлепнула его.

– Не думаю, что он был добрым человеком. – Грейс смотрела в темноту, щурясь от яркого огня. – Может, его жена и дети сбежали. Улучили момент и сбежали. – Девочка помолчала. – Если им удалось. Если он не нашел и не убил их.

Маура поежилась под шерстяным одеялом. Даже виски не спасал от морозной стужи – казалось, холод снова прокрался в комнату.

Арло потянулся к бутылке:

– Фу ты! Если вы намерены рассказывать страшилки, лучше заранее принять успокаивающее.

– Ты уже достаточно принял, – заметила Элейн.

– Чья теперь очередь рассказывать страшилки у костра? – Арло посмотрел на Мауру. – Учитывая вашу работу, у вас, наверное, кучи таких историй в запасе.

Маура покосилась на Грейс, которая вновь погрузилась в молчание. «Если все это напугало даже меня, – подумала она, – то каково сейчас тринадцатилетней девочке!»

– Я считаю, сейчас не самое подходящее время для страшных историй, – возразила она.

– В таком случае как насчет веселых историй? Патологоанатомы умеют травить анекдоты – из области черного юмора.

Маура понимала, что ему хочется скоротать время до утра, чтобы не думать о пугающей пустоте вокруг, но она не была настроена на веселье.

– В моей работе нет ничего смешного, – ответила она, – вы уж мне поверьте.

Все надолго замолчали. Грейс под села поближе к камину и смотрела в огонь.

– Лучше бы мы остались в гостинице. Мне тут не нравится.

– Мне тоже, милая, – сказала Элейн. – На меня этот дом ужас наводит, аж мурашки по коже.

– Ну, не знаю, – вмешался Дуг, умевший во всем находить хорошее. – Дом крепкий, добротный. Он многое может рассказать нам о людях, которые в нем жили.

Элейн ответила презрительной усмешкой:

– И страдали отсутствием вкуса, если судить по мебели.

– И по еде, – добавил Арло, указывая на пустую банку из-под свинины с фасолью.

– Однако ты уминал ее за обе щеки.

– Заметь, Элейн, в экстремальных условиях. Чего не сделаешь, чтобы остаться в живых.

– А вы видели одежду в шкафах? Клетка с полоской да воротнички под горло. Одежда первопоселенцев.

– Погоди-ка, погоди-ка. Я уже мысленно рисую портреты этих людей. – Арло прижал пальцы к вискам и нахмурился, как брахман, пересказывающий свое видение. – Я вижу...

– «Американскую готику»!⁴ – подсказал Дуг.

– Нет, «Деревенщину из Беверли-Хиллз»!⁵ – сказала Элейн.

– Эй, мамуля, – заговорил Арло, растягивая слова. – Поддай-ка мне еще плошку этой бельча-атины...

И трое старых друзей расхохотались. Их веселье подогрелось выпитым виски и возможностью безнаказанно посмеяться над людьми, которых они и в глаза не видели. Маура даже не улыбнулась.

– А вы что видите, Маура? – спросила Элейн.

– Ну же, ну, – подзуживал Арло, – присоединяйтесь к игре. Кто, как вы думаете, эти люди?

Маура оглядела комнату с голыми стенами, единственным украшением которой был портрет темноволосого мужчины с гипнотическим, устремленным ввысь взглядом. Здесь не

⁴ «Американская готика» – картина Гранта Вуда, написанная в 1930 году. Один из самых пародируемых образов в американском искусстве XX века.

⁵ «Деревенщина из Беверли-Хиллз» – американская комедия 1993 года.

было ни занавесок, ни милых безделушек. А книги все до одной – практические пособия. «Ремонт дизельного двигателя», «Основы слесарного дела», «Руководство по домашней ветеринарии». Женщина не была здесь хозяйкой, это не женский мир.

– Всем тут управлял только он, – сказала Маура. – Супруг. Остальные заинтересовались, надеясь услышать продолжение.

– Видите, какое все холодное и практичное в этой комнате? Нет даже намека на женское присутствие. Как будто ее не существовало, как будто она была невидимкой. Женщина, которая ничего не значит, которая чувствует себя пленницей и находит утешение в виски. – Маура замолкла, вспомнив почему-то о Дэниеле, и ее взгляд затуманился от слез.

«И я тоже пленница, – пронеслось у нее в голове, – поймана в силки любовью и не могу вырваться. И может быть, я точно так же отгорожена от мира в собственной долине». Она смахнула навернувшуюся слезу и увидела, что все взгляды устремлены на нее.

– Ну и ну, – добродушно протянул Арло. – Психоанализ... дома.

– Вы спросили меня, что я думаю. – Маура допила остатки виски и решительно поставила стакан на пол. Он глухо звякнул. – Я устала. Пойду спать.

– Нам всем надо поспать, – сказал Дуг. – Я какое-то время посижу тут, буду поддерживать огонь в камине. Нельзя,

чтобы огонь погас, поэтому я предлагаю сменяться.

– Я следующая несу вахту, – вызвалась Элейн. Она свернулась калачиком у огня и плотнее закуталась в одеяла. – Разбуди, когда придет моя очередь.

Половицы поскрипывали, пока они укладывались на ночлег, пытаясь поудобнее устроиться на домотканом ковре. Даже несмотря на жарко пылающий камин, в комнате было холодно. Маура накинула одеяло прямо поверх куртки. Из спален принесли подушки. Та, что досталась Мауре, пахла потом и лосьоном после бритья. Подушка хозяина.

С этим запахом она и уснула. Ей снился темноволосый мужчина с каменным взглядом – во сне он склонился над ней и долго смотрел на нее спящую. Маура чувствовала угрозу, но не могла пошевелиться, не могла защититься, ее сковал сон. Задыхаясь, она проснулась, с круглыми от ужаса глазами, с гулко бьющимся сердцем.

Никто над ней не стоял. Маура смотрела в темное пустое пространство.

Одеяло с нее сползло, и в комнате было холодно. В камине дрова почти совсем прогорели, осталось лишь несколько тлеющих головешек. Арло храпел, привалившись спиной к камину и свесив голову на грудь. Он не уследил за огнем.

Дрожа и чувствуя, как занемело тело после сна на холодном полу, Маура поднялась и подбросила полено в камин. Дерево занялось почти сразу, и вскоре огонь уже весело потрескивал, а по комнате разливались приятные волны тепла.

Маура недовольно покосилась на Арло, тот даже не пошевелился. Бесполезно, подумала она. На них ни в чем нельзя положиться, даже за огнем последить не могут. Напрасно она связалась с этой компанией. Она устала от плоских остроумий Арло, от нытья Грейс и от неисправимого оптимизма Дуга. А Элейн внушала ей смутную тревогу, хотя она не могла сказать почему. Маура вспомнила, каким взглядом Элейн смотрела на нее, когда Дуг кинулся обнимать ее на дороге. «Я самозванка, не принадлежу к их слаженному квартету, — думала она. — И Элейн сердится на меня».

Огонь пылал всюду — жарко и ярко.

Маура посмотрела на свои часы: было четыре часа утра. Как раз ее черед принимать вахту, так что все равно ей не спать до рассвета. Она встала, потянулась и краем глаза заметила какой-то отблеск возле оранжевого пламени. Подойдя ближе, она заметила сверкающие капельки влаги на деревянном полу. Потом в противоположном конце комнаты, где сгущались тени, увидела белесое пятно. Кто-то открывал дверь, и в дом нанесло снега.

Она подошла к двери, где снег еще не растаял, и уставилась на тонкий белый пушистый слой. На нем был четко виден отпечаток ботинка.

Маура обернулась и быстро оглядела комнату, мысленно пересчитывая спящих. Все на месте, все спят.

Дверь была не заперта. Никто не потрудился на ночь задвинуть засов, да и с какой стати? От кого тут запираяться?

Маура до упора задвинула засов и посмотрела в окно. Хотя в комнате стало теплее, а она набросила на плечи одеяло, ее колотил озноб. Ветер завывал в трубе, снег бился о стекло. За окном было темно, она ничего не могла разглядеть. Но что, если кто-то там смотрит сейчас на нее, на одинокий силуэт у окна, обрамленный светом камина?

Маура отошла от окна и, дрожа, села на ковер. Снег возле порога растаял, а с ним исчез и таинственный след. Может, дверь ночью сама распахнулась, кто-то из них пошел закрывать ее и оставил свой след? Может, кто-то выходил во двор по малой нужде или проверял погоду. Сон как рукой сняло. Маура сидела и смотрела, как ночь постепенно сменяется рассветом, а чернота за окном уступает место серому утру.

Ее спутники спали как убитые.

Когда Маура встала подбросить поленьев в огонь, она увидела, что дров почти не осталось. Во дворе под навесом была сложена целая поленица, но там дрова, вероятно, сырые. Чтобы они успели просохнуть, нужно, чтобы кто-то сходил прямо сейчас и принес в дом целую охапку. Маура посмотрела на своих мирно спящих спутников и вздохнула: «Этот кто-то буду, конечно же, я».

Она надела ботинки, натянула перчатки, закутала нижнюю часть лица шарфом и отодвинула засов на входной двери. Приготовившись мерзнуть, вышла наружу и плотно закрыла за собой дверь. Ветер свистел на крыльце, бил в лицо колючими иглами. Поскрипывали качели. Глянув вниз,

Маура не увидела никаких отпечатков, при таком ветре какие могут быть следы! Термометр на стене показывал одиннадцать градусов ниже нуля. А казалось, что намного холоднее.

Лестница потонула в сугробе. Маура нащупала ногой то, что казалось первой ступенькой, хотела идти дальше, но ступня соскользнула, и она кубарем покатилась в снег. От удара гудела спина, боль отдавалась в голове. Какое-то время Маура сидела оглушенная, моргая от яркого утреннего света. Первые лучи солнца озарили мир, они казались ослепительно-яркими. Ветер бросил ей в лицо морозную пыль, и она чихнула, отчего голова разболелась сильнее.

Маура встала и отряхнула брюки. Прищурившись, оглядела заснеженные крыши домов. Между двумя рядами зданий тянулась девственно-чистая снежная полоса – так и хотелось первой пройти по это идеальной, нетронутой поверхности. Но Маура отказалась от этой мысли и направилась за угол дома, утопая в сугробах по колено. Ей нужна была поленница. Она попыталась вытащить расщепленное полено из самого верхнего ряда, но оно примерзло и не поддавалось. Упершись ногой в поленницу, Маура потянула сильнее. Вдруг примерзшее полено с треском отделилось, и она, теряя равновесие, сделала шаг назад. Но наступила на что-то, невидимое под сугробом, и растянулась на снегу.

Два падения за день. А утро только начинается.

Голова у Мауры гудела, глаза слезились от яркого света.

Ей очень хотелось есть, и в то же время мутило – слишком много виски выпила накануне. Мысль о том, что на завтрак опять тушенка с фасолью, радости не добавляла. Маура с трудом поднялась и стала искать полено, которое выронила при падении. Разбрасывая носком сапога снег, она заметила что-то непонятное. Принялась рыть вокруг, отгребая снег руками в перчатках, и наткнулась на твердый продолговатый предмет. Не полено, что-то более крупное, что-то, примерзшее к земле. Об этот предмет она и споткнулась, когда падала.

Маура смела в сторону оставшийся слой снега и вдруг застыла, глядя на то, что раскопала. Она в ужасе отшатнулась. Потом отвернулась, вскочила и бросилась обратно в дом.

– Должно быть, его оставили во дворе, вот он и замерз до смерти, – предположила Элейн.

Все молча обступили мертвого пса, словно пять плакальщиков у могилы, прикрывая лица от жалящего ветра. Дуг, вооружившись совком для золы, раскопал снег вокруг страшной находки. Теперь собака была видна целиком. Ее обледеневшая шерсть сверкала на солнце. Немецкая овчарка.

– Как можно оставлять собаку на улице в такую погоду! – возмутился Арло. – Это жестоко.

Маура села на корточки и потрогала рукой в перчатке холодный бок собаки. Тело промерзло насквозь и на ощупь было твердое как камень.

– Не вижу никаких повреждений. И это не бродячий пес, – заметила Маура. – Он выглядит откормленным, и ошейник имеется. – На металлическом жетоне была выгравирована кличка: «Лаки»⁶. – Это определенно чей-то домашний питомец...

– Может, он долго где-то бегал и хозяева его вовремя не нашли? – предположил Дуг.

Грейс недоверчиво посмотрела на отца:

⁶ Lucky (англ.) – счастливчик.

– И тогда они бросили его тут одного?

– Может, они очень спешили.

– Разве такое возможно? Мы бы никогда так не поступили с собакой.

– Но, милая, мы же не знаем всего, что здесь произошло на самом деле.

– Вы ведь похороните его, верно?

– Грейс, это всего лишь собака.

– Все равно нельзя его тут оставлять.

Дуг вздохнул:

– Ладно, я позабочусь об этом, обещаю. А ты ступай в дом и приглядывай за камином. Я все сам сделаю.

Они подождали, когда Грейс скроется в доме. Потом Элейн сказала:

– Ты же ведь не собираешься хоронить этого пса, правда? Земля насквозь промерзла.

– Ты же видишь, она на грани истерики.

– Не она одна, – добавил Арло.

– Я только получше забросаю его снегом. Он такой глубокий, Грейс и не узнает, что собака все еще тут.

– Давайте вернемся в дом, – предложила Элейн. – Я вся продрогла.

– Не понимаю, – сказала Маура, по-прежнему сидя на корточках рядом с мертвым животным. – Собаки ведь не глупые, особенно немецкие овчарки. Этого пса хорошо кормили, и шерсть у него густая, мороз ему не страшен. – Она под-

нялась и оглядела окрестный пейзаж, щурясь на ярком солнце. – Это северная стена дома. Почему собака околела именно здесь?

– А где надо было? – удивилась Элейн.

– Маура дело говорит, – заметил Дуг.

– Не поняла, – протянула Элейн, недовольная тем, что больше никто не захотел возвращаться в дом.

– Собаки – существа довольно разумные, – сказал Дуг. – Они понимают, где лучше укрыться от холода. Этот пес мог зарыться в снег. Или забраться под крыльцо и свернуться калачиком. Вообще мог найти тысячу мест, где можно спрятаться от ветра. Но он этого не сделал. – Дуг поглядел на пса. – Вместо этого он остался здесь. На голой земле, на ветру, как будто просто упал и околел.

Они молчали, а метель все не унималась. Очередной порыв ветра, с протяжным воем налетевший из-за угла, трепал их одежду, взметая искристую снежную пыль. Маура посмотрела по сторонам, на сугробы, напоминавшие застывшие белые волны, и подумала: какие еще сюрпризы таятся под этим снегом?

Дуг обернулся и посмотрел на соседние постройки.

– Может, сходим посмотрим, что в других домиках? – предложил он.

Они вчетвером, друг за другом, направились к следующему дому. Дуг, как всегда, возглавлял процессию, проклады-

вая тропку в глубоком снегу. Затем все поднялись на веранду. Она выглядела точно так же, как и в том доме, где они провели ночь, даже качели были похожие.

– Как думаете, может, у них была оптовая скидка? – предположил Арло. – «Купите у нас одиннадцать качелей, и двенадцатые мы дадим вам бесплатно!»

Маура подумала о женщине с остекленевшим взглядом, которую видела на семейном снимке. Представила целую деревню бледных молчаливых женщин, сидящих на таких вот качелях, бездумно покачивающихся туда-сюда, как заведенные куклы. Дома-клоны, люди-клоны.

– Тут тоже не заперто, – сообщил Дуг и толкнул дверь.

Сразу за дверью лежал опрокинутый стул.

В первый миг все озадаченно застыли на пороге. Дуг поднял стул и поставил на ножки.

– Да, странно это все.

– Гляньте-ка, – сказал Арло. Он подошел к портрету в рамке, висящему на стене. – Знакомый тип.

В золотистых утренних лучах благоговейное лицо мужчины казалось просветленным, словно сам Господь Бог одобрял его набожность. Приглядевшись, Маура отметила еще кое-какие мелочи, на которые не обратила внимания раньше. Задний фон – сплошь из колосьев золотистой пшеницы. Белая крестьянская рубаша с закатанными рукавами, как будто он работает в поле. И пронзительный взгляд угольно-черных глаз, устремленных куда-то вдаль, в вечность.

– «И соберет он праведных», – прочел Арло надпись на табличке, прикрепленной к раме. – Интересно, кто этот тип? И почему тут в каждом доме, висит его портрет?

Маура заметила нечто похожее на Библию – открытая книга лежала на журнальном столике. Она закрыла книгу и увидела тисненные золотом буквы на кожаном переплете:

СЛОВО НАШЕГО ПРОРОКА МУДРОСТЬ
СОБРАНИЯ

– Мне кажется, это что-то вроде религиозной секты, – сказала Маура. – А он, вероятно, их духовный лидер.

– Тогда это многое объясняет, – отозвался Дуг. – Отсутствие электричества. Простой быт.

– Амиши⁷ в Вайоминге? – удивился Арло.

– В наши дни масса народа стремится к простой жизни. А тут, в долине, есть все возможности для этого. Отгородись от мира и выращивай что-нибудь себе на прокорм. Ни телевидения, ни других соблазнов мира.

Элейн рассмеялась:

– Если душ и лампочки – дело рук дьявола, тогда запишите меня в ад.

Дуг обернулся:

– Давайте осмотрим остальные помещения.

⁷ Амиши – последователи радикального протестантского движения, основанного в XVII веке швейцарским епископом Якобом Амманом. Образ жизни амишей отличается чрезвычайной строгостью в быту: например, им запрещено пользоваться электричеством, телефоном и автотранспортом.

Из прихожей все направились в кухню, где были уже привычные сосновые шкафчики, деревянная плита и ручной насос, – то же самое они уже видели в первом доме. Окна здесь тоже были распахнуты, но противомоскитная сетка не пропускала снег, внутрь залетал только ветер, занесший несколько искрящихся снежинок. Элейн пошла закрывать окна и вдруг ахнула.

– Что такое? – крикнул Дуг.

Она отшатнулась, указывая на раковину:

– Там... что-то мертвое!

Маура подошла ближе и увидела мясоразделочный нож с окровавленным лезвием. Вся раковина была заляпана кровью, которая теперь заледенела, а на дне лежали серые меховые комки.

– Да это же кролики, – поняла она и указала на миску очищенного картофеля на разделочном столе. – По-моему, кто-то собирался их потушить.

Арло усмехнулся:

– Отлично, Сэлинджер. Напугала нас до смерти из-за какого-то обеда.

– Но что случилось с кухаркой? – Элейн все еще старалась держаться подальше от раковины, как будто кроличьи тушки могли в любой момент превратиться во что-нибудь ужасное и опасное. – Вот она собирается освежевать кроликов – а потом что? Просто бросает нож и уходит, оставив их тут? – Элейн посмотрела на своих спутников, заглядывая каждому

в глаза. – Ну, мне кто-нибудь ответит? Хотя одно логическое объяснение.

– Может, она умерла, – произнес тихий голос. – Может, они все умерли.

Все резко обернулись: на пороге кухни стояла Грейс. Взрослые и не слышали, как девочка вошла за ними в дом. Она стояла в выстуженной кухне, обхватив себя руками, и дрожала.

– Что, если все они лежат под снегом, как та бедная собака? А мы их не видим?

– Грейс, милая, – сказал Дуг, – возвращайся лучше в тот дом.

– Я не хочу сидеть одна.

– Элейн, можешь ее проводить?

– Что вы собираетесь делать? – насторожилась Элейн.

– Просто уведи ее, ладно? – отрывисто бросил Дуг.

Элейн покоробил его приказной тон.

– Ладно, Дуг, – сказала она нарочито спокойно. – Я сделаю, как ты говоришь. Я же всегда тебя слушаюсь, ты знаешь. – Элейн взяла Грейс за руку, и они вдвоем вышли из кухни.

Дуг вздохнул:

– Фу, похоже, чем дальше, тем страшней.

– Что, если Грейс права? – спросил Арло.

– Ну ты-то хоть не начинай!

– Кто знает, что лежит под снегом? Там могут быть мерт-

вещи.

– Заткнись, Арло! – Дуг обернулся к гаражной двери.

– Почему-то в последнее время все только и повторяют: «Заткнись, Арло!»

– Давайте быстренько осмотрим другие здания. Нет ли там чего-нибудь полезного. Радиоприемника, скажем, или генератора. – Дуг вошел в гараж и застыл как вкопанный. – Ага, теперь я знаю, как нам отсюда выбраться, – сказал он.

В гараже стоял джип «Чероки».

Дуг бросился к пассажирской дверце и рывком распахнул ее.

– Ключи в замке зажигания!

– Дуг, посмотри сюда! – воскликнула Маура, указывая на кучу металлических цепей на одной из полок. – По-моему, это цепи противоскольжения!

Дуг радостно рассмеялся:

– Если мы сумеем дотащить эту коняшку до большой дороги, возможно, нам удастся даже спуститься на ней с горы.

– А почему же они не смогли? – сказал Арло. Он пристально рассматривал джип, точно это был инопланетный корабль, вещь из другого мира. – Люди, которые тут жили. Люди, которые собирались приготовить кроличье рагу, почему они оставили здесь этот симпатичный внедорожник?

– Вероятно, у них была другая машина.

– Это одноместный гараж, Дуг.

– Тогда, может быть, они уехали вместе с людьми из пер-

вого дома. В том-то гараже машины нет.

– Это лишь твое предположение. А тут заброшенный дом, с хорошим новым внедорожником, с мертвыми кроликами в раковине, и при этом абсолютно пустой. Где же люди?

– Какая разница? Главное – теперь мы знаем, как отсюда выбраться! Так что за работу. Посмотрим в других гаражах, может, удастся раздобыть лопаты. А еще болторезы, чтобы снять заградительную цепь на дороге.

Дуг подошел к наружной двери гаража и рывком потянул за ручку. Солнечный свет, отраженный миллиардами блестящих снежинок, был таким ослепительным, что все трое зажмурились.

– Если найдете что-нибудь полезное, тащите сюда. С хозяевами мы потом объяснимся.

Арло потуже затянул шарф и направился к дому на другой стороне улицы, Маура и Дуг побрели к соседнему зданию. Дуг порылся в сугробе, отыскал дверную ручку и потянул вверх гаражную дверь. Она со скрипом открылась, и оба застыли от удивления, глядя на то, что было в гараже.

Внутри стоял пикап.

Маура оглянулась и посмотрела на другую сторону улицы – Арло как раз открывал еще одну гаражную дверь.

– Эй, да тут машина! – завопил он.

– Что, черт возьми, происходит? – бормотал Дуг. Он бросился, увязая в снегу по колено, к соседнему дому и снова потянул вверх дверь гаража. Глянул внутрь – и кинулся к

следующему зданию.

– И тут машина в гараже! – кричал Арло.

Ветер стонал и ныл, словно от боли, новый порыв налетел на них, как белая конница, взрывающая копытами снег. Маура зажмурилась, когда сверкающее облако настигло ее, норовя запорошить глаза. Внезапно ветер стих, и в наступившем вслед за ним странном ледяном безмолвии она увидела ряд домов, их гаражные двери были открыты.

И за каждой стоял автомобиль.

– Не знаю, как это объяснить, – сказал Дуг, подцепляя лопатой снег и отбрасывая его в сторону. Он расчищал место за джипом, чтобы установить цепи противоскольжения. – Меня интересует только одно: как нам отсюда выбраться.

– Неужели тебя это ничуть не беспокоит? То, что мы ничего не знаем о судьбе этих людей?

– Арло, нам надо сосредоточиться. – Дуг выпрямился и посмотрел в небо. Его лицо покраснело от натуги. – Я надеюсь оказаться на главной дороге еще засветло.

Все уже успели поработать лопатами и теперь сделали перерыв. Разгоряченные лица путешественников окутывали облачка морозного пара. Маура смотрела на вьющуюся дорогу, что вела вверх по склону. На пути встретится немало глубоких снежных наносов, и даже если им удастся подняться наверх, к тому месту, где завалился их внедорожник, останется еще пятьдесят километров под гору. А преодолевая эти пятьдесят километров, они в любой момент могут снова застрять.

– Есть еще вариант: остаться здесь, – предложила Маура.

– И дожидаться, когда нас спасут? – фыркнул Дуг. – Это не выход. Я лично не желаю сидеть сложа руки.

– Сегодня вечером я должна была прилететь в Бостон. Значит, вечером все поймут: что-то не так. И начнут меня

искать.

– Ты говорила, никто не знает, что ты поехали с нами.

– Главное – меня начнут искать. Сейчас у нас достаточно пищи и крыша над головой. Мы можем тут продержаться, сколько понадобится. Зачем же рисковать?

Лицо Дуга еще больше побагровело.

– Маура, в том, что мы попали в передрагу, виноват только я. И теперь я пытаюсь вызволить всех нас. Доверься мне.

– Я не говорила, что не доверяю тебе. Я просто указываю на альтернативу – вовсе необязательно возвращаться на дорогу, где, может статься, не будет вообще никакого укрытия.

– Альтернативу? Сидеть тут и ждать бог знает сколько времени?

– По крайней мере, тут мы в безопасности.

– Правда? – этот вопрос задал Арло. – Я хочу сказать, я только подбрасываю тему для размышлений, поскольку я, кажется, единственный, кого это заботит. Я об этом месте. Это место... – Он обвел взором заброшенные дома и зябко поежился. – Здесь случилось что-то плохое. И кажется, с этим еще не покончено. Я за то, чтобы выбираться отсюда, и как можно скорее.

– Я тоже, папочка, – подхватила Грейс.

– Элейн? – спросил Дуг.

– Как скажешь, Дуг. Я тебе доверяю.

«Вот так мы и в первый раз вляпались, – мелькнуло в голове у Мауры. – Мы все слишком доверяли Дугу». Но она

здесь белая ворона. Баланс сил – четверо против одного, и, что бы она ни сказала теперь, это ничего не изменит. И может быть даже, они правы. Здесь, в этом месте, действительно что-то нехорошее, Маура это чувствовала. Отголоски былого несчастья, казалось, витают в воздухе, сливаясь с шепотом ветра.

Маура снова взялась за лопату.

Поскольку все работали дружно, уже через несколько минут пространство за джипом было расчищено. Дуг подтянул клацающие цепи противоскольжения и выложил их позади задних колес.

– Похоже, они изрядно подпорчены, – нахмурился Арло, глядя на ржавые звенья.

– Но других у нас нет, – заметил Дуг.

– Некоторые соединительные звенья порваны. Такие цепи могут не потянуть.

– Главное, чтобы они продержались до автозаправки. – Дуг забрался в джип и повернул ключ зажигания. Двигатель завелся с первого оборота. – Отлично, все хорошо! – Он улыбнулся остальным из окна машины. – Предлагаю вам, дамы, заняться сборами в дорогу. Берите все, что, по вашему мнению, пригодится в пути. А мы с Арло повозимся тут с цепями.

К тому времени, когда Маура вышла из дома, держа под мышкой свернутые одеяла, цепи были уже надеты, а Дуг развернул джип в сторону дороги. Полдень уже миновал, и они

спешили загрузить в машину продукты, свечи, лопаты и болторез. Когда наконец вся поклажа была сложена, наступило минутное молчание, словно каждый про себя молился за успех.

Дуг глубоко вздохнул и тронулся с места. Они покатали вперед, рваные звенья с лязгом бились о раму шасси, колеса упорно месили снег.

– Думаю, у нас получится, – бормотал Дуг. Мауре показалось, что он произнес это с некоторой долей удивления, как будто даже он до этого сомневался в успехе. – Боже мой, кажется, и впрямь получается!

Вскоре деревня осталась позади, и они начали выбираться из долины по той же дороге, по которой за день до этого с таким трудом спустились. Их следы запорошило свежим снегом, и краев дороги было не различить, однако джип упрямо двигался вперед, взбираясь все выше и выше. С заднего сиденья слышался тихий голос – это Арло повторял нараспев одно только слово:

– Впе-ред. Впе-ред. Впе-ред.

Элейн и Грейс присоединились, скандируя в такт лязганью цепей:

– Впе-ред, впе-ред, впе-ред.

Они забирались все выше. Теперь к скандированию примешивался еще и смех, поскольку автомобиль был уже на полпути из долины. Но дорога забирала все круче, становилась все более извилистой, и слышно было, как снег скребет

по днищу автомобиля.

– Впе-ред, впе-ред, впе-ред.

Даже Маура скандировала вместе со всеми эти слова, правда скорее мысленно, нежели вслух. Можно было надеяться, что на этот раз все будет как надо. Да, они выберутся из этой долины и на звякающих цепях скатятся по главной дороге, до самого Джексона. Им будет что рассказать за столом, как любит говорить Дуг, и этой истории им хватит на много лет – истории о приключениях в странной деревне под названием Лучший Мир.

– Впе-ред, впе-ред, впе-ред...

Внезапно джип покачулся и замер, Мауру отбросило на приборную доску, но ее удержал ремень безопасности. Она поглядела на Дуга.

– Ничего, – сказал он, включая задний ход. – Мы чуть-чуть подадим назад. А потом с разбегу... – Он вдавил педаль газа в пол. Мотор взревел, но джип даже не шелохнулся.

– Ни у кого не случилось острого приступа дежавю? – спросил Арло.

– Да, но на этот раз у нас есть лопаты! – Дуг выбрался из машины и посмотрел на передний бампер. – Просто тут чуть больше снега, чем надо. Я думаю, мы сможем прорыть себе путь из этого сугроба. Давайте, мы это сделаем.

– Вот теперь у меня точно дежавю, – пробормотал Арло, выпрыгивая из кабины и хватая лопату.

Все принялись разгребать снег. Маура поняла, что ситуа-

ция гораздо хуже, чем ее обрисовал Дуг. Они съехали с дороги, и ни одна из задних шин не касалась твердой поверхности. Они расчистили снег возле переднего бампера, но джип отказывался двигаться с места. Передние колеса будут буксовать на обледенелой дороге, и все.

Дуг слез с водительского места и озабоченно посмотрел на повисшие в воздухе задние колеса, опутанные ржавыми цепями.

– Маура, ты поведешь машину, – сказал он. – А мы с Арло будем толкать.

– Всю дорогу до Джексона? – улыбнулся Арло.

– А у тебя есть идея получше?

– Если так будет продолжаться и дальше, то мы дотемна не успеем, это точно.

– Так что ты предлагаешь?

– Я только говорю...

– Что, Арло? Ты хочешь, чтобы мы вернулись назад в тот дом? Сидели на заднице и ждали, когда за нами придут?

– Да ладно, не кипятись. – Арло нервно хохотнул. – Я же не собираюсь бунт на корабле устраивать.

– А может, и стоило бы. Может, лучше, если бы ты хоть раз сам на что-то решился, вместо того чтобы на меня все сваливать.

– Я не просил тебя ни за что отвечать.

– Ну да, это происходит по умолчанию. Странно, но всегда получается одно и то же. Я оказываюсь перед трудным

выбором и принимаю решения, а ты стоишь за спиной и указываешь мне на ошибки.

– Да ладно тебе, Дуг.

– А что, разве не так? – Дуг посмотрел на Элейн. – Разве не так всегда происходит?

– Зачем ты у нее спрашиваешь? Ты же заранее знаешь, что она ответит.

– Что ты несешь?! – возмутилась Элейн.

– «Как скажешь, Дуг», – пропищал Арло, передразнивая Элейн. – «Я всегда на твоей стороне, Дуг».

– Заткнись, Арло, – прошипела она.

– Пусть он тебя заткнет, разве ты не об этом все время мечтаешь?

Эта вспышка гнева поразила остальных настолько, что все замолчали. Только смотрели друг на друга. Ветер заметал склон, бросая им в лица пригоршни снега.

– Я поведу, – тихо сказала Маура и забралась на место Дуга, радуясь, что сбежала подальше от заварушки. Что бы там ни происходило между тремя приятелями, ее это не касается. Она всего лишь случайная попутчица, сторонняя наблюдательница, свидетельница драмы, начавшейся задолго до того, как она к ним присоединилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.